

Alexander Konvisser

“Kann ich
die Seele weiten..?”

Verlag Freies Geistesleben
Stuttgart, 1997

Александр Конвиссер

Год души

*Вера, Любовь, Надежда и София
на внутреннем пути упражнений
с Антропософским Календарем души*

Издательство имени Владимира Соловьева
Санкт-Петербург
2000

Конвиссер А.С.

Год души. СПб., 2000

Второе, переработанное издание

Предлагаемое исследование обращено ко всем, кто интересуется вопросами духовной жизни и самопознания, разделяет спиритуальное воззрение на глубинные основы социального бытия и индивидуального развития человека.

В центре рассмотрений - созданный в 1912 году основателем современной науки о духе и Антропософского движения Рудольфом Штейнером (1861-1925) сборник медитативных изречений на каждую из 52-х недель года, Антропософский Календарь души. Работа с этим небольшим произведением Рудольфа Штейнера уже десятки лет является неотъемлемой частью каждодневной внутренней работы множества людей во всем мире. Неисчерпаемое богатство его содержания все вновь побуждает к открытию новых сторон интимной душевной работы с ним.

В то же время универсальная природа этого содержания позволяет подчас обрести новый неожиданный свет на подступах к решению самых трудных проблем в сфере религиозных, философских, нравственных исканий.

В Приложении к первому (1998), уже разошедшемуся изданию книги и была сделана попытка рассмотреть некоторые такие проблемы, что были поставлены европейской и особенно русской мыслью, в контексте изречений Календаря души.

В 1996-1997 гг. книга была переведена и издана в Германии в штутгартском издательстве "Свободная духовная жизнь" (Verlag Freies Geistesleben, 1997)

ISBN 3-7725-1625-4

В качестве Приложения в конце книги, в отличие от 1-го издания, приведены некоторые примеры из опыта работы в группе над изречениями Календаря души - каждый раз сообразно конкретному временному пункту в ходе годооборота.

Кроме того, для данного издания была предпринята новая тщательная редакция изречений Календаря, туда внесен ряд существенных поправок.

*В оформлении обложки использованы мотивы рисунков
К. Кёнига и А. Тургенева*

© А.С. Конвиссер. Текст, редакция переводов, примечания,

издательское оформление

© Издательство имени Вл. Соловьёва, 1998

© Издательство имени Вл. Соловьёва, 2000

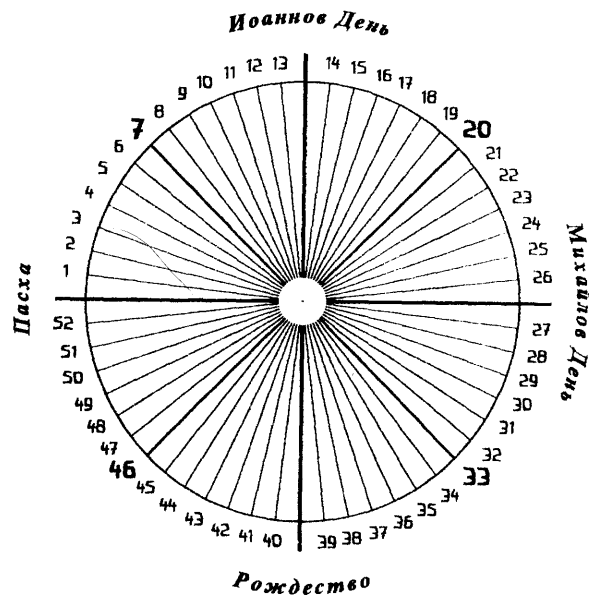
Светлой памяти

Алексея Дмитриевича Лебедева (1888-1974)

и Сергея Васильевича Зетилова (1898-1976),

открывших автору свет Календаря души,

с благодарностью посвящается эта работа

То, что живет в нас как духовное, как душевное, не является нашим собственным, не принадлежит нашей человеческой личности, но является, я бы сказал, заливом, который Космос посылает в нас как людей.

Рудольф
Штейнер

К ЧИТАТЕЛЮ

Эти заметки обращены к тем, кто знаком с изречениями данного Рудольфом Штейнером в 1912 году "Антропософского Календаря души" (далее – Календарь души или Календарь. Прим.авт.) и кто, быть может, однажды или уже в течение ряда лет в той или иной степени с ними работал, проходил с ними кругооборот года полностью.

Жизненный опыт каждого из нас свидетельствует о реальном различии в характере наших отношений с внешним природным миром в зависимости от времени года, как и о тех колебаниях самоощущения, наступающих нас в ходе времени, что способны порой заметно нарушить душевное равновесие, не будучи должным образом осознаны и правильно включены в каждодневную жизнь души. Календарь души Рудольфа Штейнера дает возможность преобразовать обычный хаос этих смутных и как-будто бы в беспорядке разбросанных во времени душевных настроений в закономерный и целеустремленный внутренний путь, исполненный ясно осознаваемой и глубоко переживаемой гармонии. Человек начинает ощущать непреложную преемственность и взаимообусловленность собственных изменчивых состояний, сопутствующих годичному движению внешней жизни, слышать никогда не прерывающуюся песнь Времени и верно распознавать в ней вносимую и его душой ноту.

Читателю предлагается здесь проследить некоторые из процессов, отраженных в Календаре души. При этом, думается, исключена возможность какого-то сковывающего, ограничивающего собственную внутреннюю активность влияния на индивидуальную медитативную работу с изречениями, для которой они, ведь, и были даны. Сам автор при работе над этими заметками намеренно воздерживался обращаться к появившимся в разное время исследованиям Календаря, в какой бы степени ни заслуживали они уважения и внимания. То же относится практически и к необозримой сокровищнице духовно-научных сообщений самого Рудольфа Штейнера. Ощущалась потребность остаться наедине с 52-недельным организмом Календаря, исходить лишь из его

грандиозного и абсолютно цельного, законченного в себе содержания. Текст изречений был единственным источником и обоснованием возникших при этом точек зрения и выводов. Именно это позволяет надеяться, что последние, будучи затем кем-либо соотнесены с данными различных областей духовной науки, с реальностями человеческой и мировой жизни, могут в дальнейшем послужить исходным пунктом самостоятельной плодотворной работы.

В то же время нельзя было, однако, не сделать одно важное исключение. Исследуя сегодня закономерности Календаря, просто невозможно не принять во внимание известный динамичный образ двух типов взаимоотношений всех недельных изречений, данный еще в 70-х годах Хайнцем Франкфуртом - концепцию "*противолежащих*" (*Gegenüberspruch*) и "*противоположных*" (*Gegenspruch*) изречений, содержащуюся в его работе "О звездной речи "Календаря души"* и освещающую особым светом важное соотношение четырех "искушающих" недель. Это подлинные открытия, и они позволяют приблизиться к наиболее эзотерическим аспектам круга годовых изречений, отражающим глубочайшие соотношения импульсов реальной движущейся жизни Вселенной.

В то же время, при всем заострении внимания на красноречивых соотношениях изречений между собою, на многозначительной роли каждого из них в общем душевно-мировом движении года, в настоящей работе была оставлена фактически не раскрытой структура каждого отдельного изречения** - трехчленная по глубокому убеждению автора. Эта тема сознательно не была затронута, ибо относится к более интимным сторонам работы с Календарем, где реальные плоды должны быть взращиваемы лишь изнутри, собственным усилием души.

Отсутствовало стремление дать где-либо некое "особое прочтение", либо приводящую, не обоснованную раскрываемыми непосредственно в изречениях фактами, интерпретацию духовно-душевных событий. Напротив, помочь сосредоточить внимание именно на этих совершенно объективных фактах природно-мировой и человеческой душевной жизни, гласящих о себе в каждом из пятидесяти двух изречений, и является важнейшей целью предлагаемых рассматриваемых. Только так можно пережить свою действительную включенность в мировой жизненный процесс, осознать всю целостность временного организма года, находясь в его любой точке.

Самодостаточность, совершенная внутренняя логика и завершенность отдельных изречений красноречиво проявляются и в строго закономерной взаимной их соотносимости. Ведь при всей действенной явности образно-художественного начала Календаря души он является, как мы знаем, результатом точного и строго научного духовного исследования. Здесь все

* Указанная работа Франкфурта была помещена в издании: "Сообщения из антропософской работы в Германии", 29 год издания, четвертый выпуск, № 114, Рождество, 1975.

** за исключением Пасхальной пары изречений (52-1).

конкретно, нет ни туманных "поэтических" аллегорий, ни многозначительной символики. И поэтому лишь неукоснительное следование запечатленным в изречениях Календаря явлениям, принятию их в самом буквальном смысле может служить правомерной основой для внутренней работы с изречениями, залогом их благотворного воздействия на душу.

Смысл счастья состоит в том, чтобы троекратно возвысить чувственный мир до нравственного и тем самым троекратно очеловечить его. Цвета этого счастья суть времена года души...

Герберт Витценман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

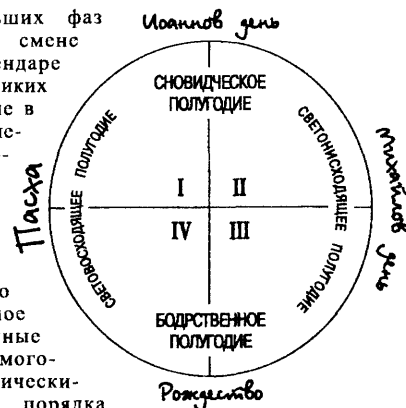
ДУШЕВНЫЕ ОРГАНЫ И ДУХОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЧЕЛОВЕКА В ДИНАМИКЕ МИРОВОЙ ГОДИЧНОЙ ЖИЗНИ

От предчувствия и памятования — к Надежде, Любви и Вере • Пороговый момент праздника Пасхи в "истории года" как ежегодное отражение центрального события эволюции Земли

В общем звучании постоянно сливающихся и расходящихся потоков душевно-человеческой и внешнемировой жизни явственно обнаруживаются смена и переплетение определенных побуждений и мотивов, пронизывающих основные фазы движения души с кругооборотом года.* Среди них Календарь души наиболее выделяет предчувствие и памятование как сво-

* Границы этих четырех больших фаз естественным образом отвечают смене основных времен года и в Календаре отмечены пунктами четырех великих Праздников года. Фигурирующие в дальнейшем изложении представления о "световосходящем" и "светонисходящем", о "бодрственном" и "сновидческом" полугодиях также связаны со знаменательным членением годичного круга по праздничным "осям".

Самый образ этого годичного круга, отражающий бесконечное движение времени сквозь различные замкнутые в себе циклы космогонического, исторического, биологически-возрастного, годично-сезонного порядка, издревле близок человеческому сознанию и повсеместно находит воплощение в сокровищнице народной речи. Это и "круглый год", "круглые сутки" в немецком и русском языках, и старинное русское "круглолетье" и т.п. Сознательно, конечно, взято было и немецкое "рунде" ("круговой") как теософское обозначение определенного цикла планетарной эволюции.

образные органы души, служащие ей для интимного взаимодействия с макрокосмическим жизненным процессом, ежегодно разворачивающимся перед нею.

Мотив предчувствия возникает впервые в 7-м изречении, чтобы затем, на протяжении всей Первой, пред-Иоанновой четверти года, сопутствовать преодолению личностных границ через восприятие душой тепла и света Мирового Духа и через ее устремление к слиянию с Ним — гласящим к ней в откровениях внешних чувств (см. 9, 10, 13 изречения).

Затем, во Второй четверти годичного круга, когда в ответ на это устремление душе даруется зачаток Мирового Слова как основа предстоящего в дальнейшем личностного самоукрепления, этот мотив предчувствия продолжает нарастать (16, 18, 21), вливаясь и в самое начало Третьей четверти (27). Содержание этого мотива многообразно и все же с явственной закономерностью моди-фицируется по мере прохождения душой всего диапазона переживаний первого полугодия — от "унесенности в дали пространства" в Пасхальном настроении до высшей степени "несения себя в себе", достигаемой ко дню Михаила. Но неизменным остается основной тон этого мотива — предвосхищающее узрение плодов тех взаимоотношений Микро- и Макрокосма, что проявляются вначале в устремлении души в Мировые дали, а позднее — во Второй четверти — в ее усилиях связать себя в своем внутреннем с воспринятым от летнего Солнца зачатком Мирового Слова. Личность предвидит тогда как бы в пророческом переживании грядущее обретение сил и импульсов, даруемых ей Мировым Духом.

Степень достоверности переживания душой ее грандиозных взаимоотношений с Макрокосмом возрастает, и уже в начале Третьей четверти предчувствие, являвшееся по самой своей природе чем-то смутным и неоформленным, преобразуется внезапно в совершенно определенную высшую силу души — НАДЕЖДУ (28-29). Она будет все более развиваться затем в зимнем личностном укреплении человека и достигнет всей полноты и совершенства в Рождественское время, когда душа сможет в высочайшей степени пережить собственную оплодотворенность святой сущностной силой макрокосмического Слова, духовный свет Которого она призвана вносить в "мировую зимнюю ночь". Ведь именно сюда должна душа донести в своем лоне "плод надежды небес", дарованный ей как зачаток в летнее время (37-38). Под знаком этой все возрастающей Надежды и протекает для человека вся Третья четверть года — вплоть до момента зимнего солнцеворота. Здесь, на переломе великой мировой борьбы света и тьмы, достигшая максимального личностного самоукрепления душа оказывается в силах, не утрачивая

духовного своего ядра, обретенного в светонисходящем полугодии,* вступить вновь на жертвенный путь самоумаления, слияния с мировым становлением световосходящей половины года.

Вхождение человеческой души в завершающую четверть годового круга знаменуется присоединением к ее внутреннему достоянию нового жизненного принципа, который человеку надлежит пестовать в своем сердце и готовить к полнейшему раскрытию вплоть до момента весеннего равноденствия. Это – принцип ЛЮБВИ. Лишь это начало способно придать положительную, созидательную направленность творческой мощи души, влить в достойные формы переполняющие теперь человеческое сердце силы Богов: им надлежит внедриться в земное через пронизанные любовью человеческие деяния (40-41, 48).* *

И вслед за этим, как новый этап усилий упражняющейся души, возникает мотив памятования (44, 46, 49) – удержания в себе некой “исторической” итоговой картины собственного пути, совместного с движением Мирового Года. В этой душевной картине как центральное предстает важнейшее событие уходящего года: зачатое Мировым Словом в тайниках души и возвращенное в ее лоне Дитя Духа стало собственным духом человека! Это он сокровенно “преуспевал в возрасте” в темных мировых ночах во время отступления внешней жизни Вселенной. Полное воплощение в земном Мирового Духа – теперь свершившийся факт, все более наполняющий светом завершающую эпоху года. И в последние ее недели раскрывается, окончательно созревая, воспринятый однажды в душевные основы зачаток Духа. Это закономерный результат собственных усилий души: задолго до этого, еще посредине пути через Вторую четверть года, жившая тогда в основном лишь предчувствием своего будущего высшего самоутверждения, смогла все же душа заблаговременно “заключить в воспоминание” – как бы до лучших времен – тот Божественный дар, что был ею в то время только что “сокровенно обретен вновь” (19). Она совершила это, будучи ведома в ту пору летней мудростью Макрокосма. И теперь, на исходе года, это заключенное в воспоминание сокровище, летний дар Мирового Слова может раскрыться в душе, упражняющейся в памятовании и приобщающейся к радости предстоящего нового становления Мирового Бытия. Сопоставление соседствующих здесь пар противоположащих изречений (44 и 18, 45 и 19)*

* то есть, в период между Иоанновым Днем и Рождеством.

** Знаменательно, что именно в этой четверти доминирующим душевным процессом, как это отражено в Календаре души, оказывается раскрытие и укрепление человеческого мышления. Поистине, “путь к сердцу проходит через голову”! (ср. “Философию Свободы”, гл. I),

позволяет воссоздать образ действующего теперь в человеческом мышлении Космического Разума, которым душе дано было проникнуться в свое время через врата внешних чувств еще на противоположащем горизонте годичного ее странствия – в середине Второй четверти.

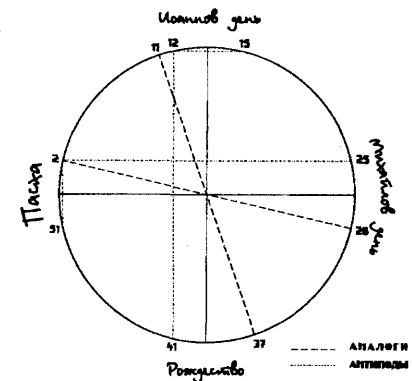
Но незадолго до того, как душа собственной силой памятования внесет сюда этот сбереженный дар Макрокосма, в этой области зимней тьмы прозвучит для нее своеобразное напутствие, исходящий из собственных ее глубин мощный импульс к достойному прохождению сквозь Мировую Ночь. Это – давно уже молчавший в душе мотив предчувствия (42). Указав теперь ей верное направление к свету грядущих откровений внешних чувств, он и сам появится вновь лишь по достижении душой области рассвета Мирового Дня. Этот возникший на мгновение, но очень своевременно, луч света как бы спроецирован сюда все из того же летнего региона пройденного душой круга – из пронизанного сиянием Иоаннова дня начала Второй годичной четверти. Там, в противоположащем 16-м изречении, предчувствие “строго повелевало” сокрыть обретенные дары Мирового Духа во внутреннем, ибо созреть

* С благодарной признательностью принимаем мы здесь предложенные в упоминавшейся выше (с.8) работе Х.Франкфурта оба названия для пар недельных изречений – в соответствии с характером их соотношения. Здесь и в дальнейшем “противоположащими” (*Gegenüberspruch*) именуются недели, находящиеся в двух действительно противоположащих, то есть не соприкасающихся четвертях годового круга: соответственно в Первой и Третьей, либо во Второй и Четвертой. Например, 2 и 28, 37 и 11 и т.п.

“Противоположные” же (*Gegen-spruch*) недели – это те, что, находясь в двух любых взаимно примыкающих четвертях, одинаково удалены от их “границы” – разделяющей эти четверти праздничной “оси”, например, 2 и 51, 25 и 2, или 12 и 41, 15 и 12.

Здесь отчетливо выражает себя совершенная и абсолютно неукоснительная внутренняя закономерность архитектуры Календаря.

Легко убедиться, что в отношении своего содержания соотносящиеся изречения противоположащих недель всегда являются в определенном смысле “аналогами”, а изречения противоположных – своеобразными “антиподами”.

и принести плоды они смогут, лишь будучи погружены до времени в лоно душевных глубин.

Однажды обретенная Надежда, переживание которой достигло кульминации в Рождественском настроении, — она и теперь (49) не оставляет проникнутую началом Любви душу. Но если на пороге Третьей четверти она возникла как возможность для человека разрешать жизненные загадки через собственную внутреннюю силу (28-29), постигая укрепленным в себе мышлением сокровенный смысл переживаемых испытаний внешней земной жизни, то теперь, в преддверии нового обращения помыслов и чувств души к Мировому Духу — но на этот раз через отдачу себя внешней дневной жизни чувственного мира с его пронизанными Солнцем далями, — ее надежда обращена вовне, к силам Мирового Бытия и Мирового Мышления (49, 48). Календарь души свидетельствует: именно Мировое Мышление призвано теперь разрешить загадку самого душевного бытия.*

Так, вооруженный силами обоих этих высших жизненных начал — Надежды и Любви, стоит человек перед воротами нового Мирового Года. И решительное устремление навстречу друг к другу *существа и бытия* человека и Духа в момент Пасхи (52-1), эта подготавливавшаяся всей жизнью истекшего года встреча Микрокосма и Макрокосма переживается теперь как высшее раскрытие принципа Любви. Именно в этом пункте мирового годооборота отражается и празднуется каждую весну центральное Событие земной истории — исполненное глубочайших тайн и неизмеримой любви взаимное — Божественное и человеческое — приношение Себя в жертву на Голгофе, осуществленное Христом Иисусом.

*

И именно здесь берет начало ежегодно вершащийся процесс макрокосмического оплодотворения человеческой души, целительного вторжения в ее лоно семени Духа. Это оно, будучи правильно и в полной мере пережито и бережно пронесено душою сквозь превратности и искусы предстоящего годооборота, будет

* И в этой “персориентации” надежды души отчетливо сказывается своеобразная полярность душевных процессов, переживаемых в противоположных, “антиподных” участках одного полугодия. Здесь, в пределах “бодрственного” полугодия, эти участки примыкают, с одной стороны, к Михайловой, а с другой — к Пасхальной неделям.

“расколдовано” и предстанет как “небесный плод надежды”, как дитя Духа в момент зимнего солнцестояния — на рождественском пороге той четверти будущего года, что, как и теперь, завершится праздником Пасхи.

Потому-то исключительно важным представляется рассмотреть здесь более развернуто ситуацию этого момента, запечатленную в первом и последнем годичных изречениях Календаря. Ведь именно отсюда начинает нарастать с каждой новой неделей великая противоположность Сновидческого и Бодрственного полугодий.

Своего высшего напряжения эта противоположность достигнет в “зеркальном” диалоге после-Иоанновой (13-14) и после-Рождественской (39-40) пар изречений, когда высоты и откровения мира внешних чувств словно бы отразятся в глубинах и откровениях Духа. Позднее явность этой противоположности пойдет на убыль, чтобы затем в Михайлово время насыщенная и оплодотворенная летним солнцем душа в своем годичном странствии вновь не приметно перешла в иное, Бодрственное полугодие — в деятельной гармонии с мировым светом, ставшим тогда собственным ее достоянием.

Итак, вот переходный, пороговый момент Пасхи. Этот его характер красноречиво выявлен в своеобразном — также и здесь “зеркальном” — соотношении первой и последней недель годооборота.

В первых двух строках 52-го изречения из глубины души, *изнутри наружу* действует, активно себя проявляет Микрокосм; все последующее есть ответное действие Макрокосма. Здесь завершается Бодрственное полугодие, где могла быть достигнута полнота свободного единения микрокосмического бытия человека с просветляющим его существом Духа.

В изречении же 1-й недели отражен противоположный, так сказать, вектор развертывания событий: вначале наивысшее для нас в этом мире зримое воплощение Макрокосма — солнце *извне* обращается к человеческой способности восприятия, а все последующее — не что иное, как ответное движение микрокосмического существа человека на это обращение, на этот призыв к преодолению личностного. Вступая в Сновидческое полугодие, душа радостно отдается нарастающей волне внешнего света и тепла, увлекающей ее в объятия макрокосмического бытия Мирового Духа.

В последнюю неделю Бодрственного полугодия — эпохи человеческой душевной активности, когда “дух из душевных глубин обращается к мировому бытию”, сила жизни, “мощно действуя”, как бы начинает выравнивать, компенсировать те процессы умирания, угасания, сторания жизненного, биологического начала,

без которых не смогло бы достичь к этому времени высшего укрепления человеческое мышление. Эта сила жизни жертвенно и любовно даруется существом Духа человеческому бытию, тем самым их и соединяя.

В открывающем же собою Сновидческое полугодие 1-м изречении, в отличие от ситуации предыдущей недели, активно действующим субъектом выступает, как мы видели, солнце, обращающееся к внешним чувствам человека. Отмечаемая здесь "*смутность*" (*dumpf*) переживания душою ее нарастающего слияния с бытием Духа, носящего в дальнейшем подчас даже характер некоего растворения в нем, подчеркивает этот переход из бодрственного региона годичной жизни души, где пестовалось личностное ее начало с присущей ему силой и ясностью мышления (49 и др.), именно в иное, Сновидческое полугодие, где как раз эта внутренняя индивидуальная сила и ясность уступят место смутному переживанию внешнемирового тепла и света (2, 4, 7, 8, 14).

Полная драматизма природа взаимоотношений человеческой души и Мирового Духа ярко отражена в этой Пасхальной, в известном смысле центральной, паре изречений Календаря. Подобно Мистерии Голгофы в исторической жизни человечества, она стоит, ведь, на том "рубеже времен" истории года, переживая и празднуя который, индивидуальная человеческая душа наиболее ясно может ощутить эту победу сил жизни и света над силами смерти и тьмы, когда поистине "Во Христе жизнью становится смерть", ибо Он есть великий Терапевт человечества в этом земном мире.

Сама трехчленная структура изречений Календаря, очень явственно здесь проступающая, позволяет в максимальной мере постичь и пережить смысл этой весенней встречи двух полугодий, жертвенный характер полного самоотдачи взаимодействия Микрокосма и Макрокосма в этом пункте года. В то же время в двух коротких изречениях словно бы вместились целостная концепция самой познавательной жизни человека, некая сущностная и живая гносеология.

В первых двух строках обоих изречений поочередно звучит взаимное обращение, призыв Микро- и Макрокосма друг к другу. И оба раза точно обозначено: это призыв к *бытию, существованию* другого.* В 52-м изречении с этим призывом обращается к своему источнику в Мировом Бытии индивидуализировавшийся, отождествившийся с человеческой душевностью Дух, ставший в ней

* (В 1-м изречении таковым оказывается сам мир внешних чувств, восприятий (Sinn) человека, полностью обусловленный его способностью ощущать и осознавать окружающее, то есть именно *воспринимать* его в себя, быть, существовать вместе с ним и в нем).

обособленной капелькой мирового океана духовности. А в следующем, 1-м изречении тот же Дух гласит в свете солнца, источаясь из мощнейшего зримого своего воплощения в Мировом Бытии и обращаясь теперь к воспринимающей этот свет душе человека.

Но вот средняя часть 52-го изречения: глубинам души, из которых взывает человек, пространственные шири Мирового Бытия отвечают КРАСОТОЙ. Это она несет жизненную силу в человеческую телесность. "Красота спасет мир"... Способность человека воспринимать гармонию и совершенство, заложенные и сквозящие во внешнем природном мире, который есть, собственно, *телесность Макрокосма*, – это способность дать как бы перетечь жертвенным целительным духовным силам из этой макрокосмической телесности в собственную телесность человека.*

А вот средняя, "ответная" часть 1-го изречения: истечение целительных сил Макрокосма к душе продолжается. И теперь уже сама созерцающая в макрокосмических даях солнечный свет душа отвечает из глубин человеческого бытия своей РАДОСТЬЮ как чем-то сущностным на это обращение к ней солнца. И она, в свою очередь, отдает, жертвует Макрокосму выработанную ею ранее силу мышления. Ведь и человеческое восприятие, и человеческие мысли жизненно необходимы Мировому Духу. Без них Космос, Мировое Бытие неполно. Мир должен иметь возможность вновь воссоздавать себя в человеческой душе, иначе "лишь смерть в себе найти он мог бы" (33). Тепло человеческой радости и свет человеческого мышления – это греющее и светящее из человеческого мира солнце для Макрокосма.

Таким образом, средние части этих соседствующих изречений образуют некое единство, глася о необходимости друг другу Мирового Духа и человеческой души, о неразрывности связующего их ПОЗНАНИЯ в библейском смысле – то есть взаимного *обладания*. Ведь красота мира не существует без ее восприятия, созерцания, И в этом-то созерцании радость

* Это одна из центральных тем всего творчества Ф.М. Достоевского: красота спасает мир посредством любящего человеческого сердца. В сердце, обретшем способность к видению красоты, она зажигает спасающую мир Любовь.

Здесь можно напомнить себе, как бережно и вполне сознательно пестуется и вырабатывается сегодня в антропософском художественном творчестве не что иное, как абсолютно реально, зримое воплощение этого выстрадавшего русской народной душой пророчества о спасающей мир Красоте: достигнутое на путях искусства получает развитие в других направлениях – как лечебная эвритмия, лечебная работа с красками, деревом, глиной, лечебное пение и т.п.

человеческой души соединяется со светом (1).

Лишь в этом предстоящем здесь ответном устремлении друг к другу обретают необходимое самовыражение оба центральные действующие лица космической драмы: мы видим в заключительной части рассматриваемых изречений, как Мировой Дух проявляется в жизненной силе и пронизывает посредством ее человеческое бытие (52), тогда как существо человека выражает себя в мыслях, чтобы через них связаться с бытием Мирового Духа (1).

*

Продолжая упражняться в памятовании (3), приобщается душа нарастающему свету Первой четверти нового годового оборота, все более устремляясь из своих личностных оболочек вовне – к восприятию действующего во внешнем мировом свете Духа и в Нем – себя как неотторжимого от Его жизни начала. И мощным побуждением к этому несомненно послужит та огненная сила Мирового Слова, что черпалась душой накануне, в последней четверти прошедшего года, из преисполненных его теплом “сердечных миров любви” (40, 41, 42, 43, 48). Ведь воспринятый уже прежде человеческим сердцем импульс созидания сам способен проявиться в земных условиях не иначе, как в качестве свободных человеческих деяний. Основополагающим же мотивом для таких может служить только Любовь.

Итак, памятуя о своем изначальном, до-личностном состоянии, то есть как бы возвращаясь к переживанию своей былой растворенности в материнском лоне духовной Вселенной, душа тем самым вновь приступает к высвобождению из оков отдельного, единичного бытия. И вот уже, отдаваясь бытию Мировому, в известном отношении в нем растворяясь, собственное Я человека грозит выскользнуть, покинуть сами душевные оболочки.* Но ведь именно с Я-началом связана по преимуществу способность памятования: она предполагает крепкую силу самоотождествления, преодолевающую изменчивую текучесть последовательной смены времен.

* Также и здесь ярко выражается закономерная соотношенность изречений Календаря, противлежащих в порядке годового круга: жертвенно забывая самое себя, отдавая и как бы “персаживая” собственное мыслительное бытие, подобно смене, в мир внешних чувств (2, 3), душа тем самым закладывает в собственную судьбу возможность ровно через полгода обрести наследие лета – возросшее сияние мышления, лучащееся тогда из ее насыщенных за целое полугодие Солнцем внутренних “собственных далей” (28, 29).

Наступает критический момент – душа больше не в состоянии удерживать себя в собственных границах, ее мощно влечет к себе Мировой свет, побуждает рассеяться и полностью себя утратить в нем. И тогда она вновь призывает к себе способность, которая наиболее сродни охватывающему ее все с большей силой смутному, грезоподобному состоянию – способность предчувствия (7). Сейчас это предчувствие того, что нынешняя утрата себя в подступающей со всех сторон пробудившейся жизни внешнего природного мира – это залог грядущего обретения себя в Мировом Божественном Существо, залог вновь предстоящего оплодотворения души зачатком Мирового Слова, который в новом цикле ее жизненного пути явится для нее основой личностного.* И пока процесс этот лишь в самом начале своего движения, в помощь устремляющемуся к Макрокосму существу человека даруется новая сила.

Когда душа, подобно любящей жене и матери восприимчивая в свое глубочайшее лоно “зачаток Мирового Слова” и донесшая затем “небесный плод Надежды” в самую глубину темных мировых ночей, переживала в себе рождение Дитяти Духа (38), осенившего ее затем началом Любви (40–41), когда начало это полностью реализовало себя позднее во взаимной Пасхальной жертве Макрокосма и Микрокосма, – в те великие моменты кругооборота года закладывались в душе основы новой благодатной силы, которая позволит ей в момент летнего солнцеворота свободно и смело предаться “мировому полету” Иоаннова дня, верить ему себя полностью (12). Это – сила доверия (*Vertrauen*)* к Мировому духовному Свету, ВЕРА в то, что *этом* Свет излучался с Рождественского времени из собственных глубин души, вера в

* И вновь перед нами многозначительное соотношение двух пунктов на пути годового странствия души. Теперь это “противоположные” (в пределах световосходящего полугодия) 46-я и 7-я недели. В изречениях этих недель (46–7) звучит с наибольшей силой призыв души к противоположным своим способностям, можно сказать – к органам, которыми она воспринимает всю временную целостность жизни года. В этих пунктах, стоящих точно посредине соседствующих четвертей – тезиса и антитезиса в великом диалоге Макро- и Микрокосма, душа в состоянии собственной силой сначала воссоздать в себе Прошлое, а затем предвосхитить Будущее их совместной работы.

И как раз эти усилия памятования и предчувствия может человеческое существо противопоставить опасностям, что подстерегают его в этих “искушающих” пунктах. А всю реальность и масштаб этих опасностей мы можем оценить хотя бы на примере точной и “современной” попытки Супостата различить Я-начало с душевным существом человека именно в самом преддверии Пятидесятницы – “Праздника свободных индивидуальностей”, по определению Рудольфа Штайнера.

тождественность свою Свету и Теплу Мирового Духа, его чистой животворящей Красоте (11, 12), а значит, вера в духовную силу самого человека, в неистребимую чистоту и красоту его истинной природы. * *

Собственно, сама способность предчувствия, вступающая в свои права с середины Первой четверти, органически связана с силой Веры. Предчувствие всегда, ведь, обращено к будущему, к тому, чего еще нет пока в явленной действительности, но чему со всей непреложностью, которую и ощущает человеческая душа, надлежит некогда осуществиться. Это будущее станет реальностью осенью. Тогда “вновь ожившее” в Михайлово время года существо человека совместно с Душой Земли возвратится из Мировых Далей в земное, будучи насыщено макрокосмической мощью летнего Солнца. Сама безусловная достоверность обретения душой этого “наследия лета” позволит ей тогда претворить поддерживавшее ее дотоле предчувствие в силу Надежды (28, 29).

И задолго до этого претворения, в продолжение трех пред-Иоанновых недель, как бы возрастая в градациях предчувствия, чувствования и переживания к собственному раскрытию в настроении Иоаннова дня, Вера неотступно гласит человеку о неизбежности, правомерности и обязательном успехе того мирового полета и мирового поиска, которым должна предаться душа в эпоху высокого Солнца. Но уже и теперь, пронизывая смутное поначалу предчувствие проясняющей, формирующей силой Веры, душа реально участвует в созидании грядущего “наследия лета”, ибо не только “уверенность в невидимом” дарует человеку подлинная вера; она, по слову Ап. Павла, “есть *осуществление* ожидаемого” (Евр. 11, 1).

* Слово “*Vertrauen*” текста изречений, переводимое здесь как “вера” в значении, близком к “доверию” и “упованию” – в соответствии с возможностями, указываемыми словарем, – не несет специально религиозно-исповедального значения, в отличие от “*Glaube*”. Именно поэтому оно органично встает в Календаре души рядом с “любовью” и “надеждой” – как обозначение одного из важнейших проявлений душевной жизни, присутствующих человеку, как таковому.

** Здесь можно вспомнить мучительные поиски Ф. Достоевским обоснования своей веры в божественность истинной сути человека вопреки всему ужасу, грязи и тьме, от которых не застрахована и не отделена реальная человеческая жизнь. Несотъемлемым от этих поисков и было завоеванное интуитивной силой великой души бессмертное прозрение: “Красота спасет мир!”.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕТВЕРТИ ГОДА КАК ТРЕХСТУПЕННЫЕ ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШЕВНЫХ СИЛ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С МИРОВЫМ ДУХОМ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИ-КОСМИЧЕСКИЕ РИТМЫ “ДАВАНИЯ” И “ПРИНЯТИЯ”
• *ИСКУШЕНИЯ ДУШИ И ОБРЕТЕНИЕ ЕЮ РАВНОВЕСИЯ* •
УКРЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ В ХОДЕ
ГОДООБОРОТА • *“АНТИПОДЫ” И “АНАЛОГИ” В “ИСТОРИЧЕСКОЙ”*
СТРУКТУРЕ ГОДИЧНОЙ ЖИЗНИ • *ВОЛЕНИЯ, ЧУВСТВОВАНИЯ И*
ПОМЫШЛЕНИЯ ДУШИ — В ЧЕРЕДОВАНИЯХ БОДРСТВЕННОГО
И СНОВИДЕЧЕСКОГО ПОЛУГОДИЙ

Отраженным в Календаре души изменениям, колебаниям во взаимоотношениях человеческой души и Мирового Духа присуще ярко выраженное ритмическое, волнообразное начало. Его трудно осознать, если работаешь с каждым из изречений лишь изолированно, упуская из виду, что любое из них занимает свое особое место в годичном круге абсолютно закономерным образом, подобно сочетающимся в аккорде тонам, соотносящимся элементам сложных кристаллических структур или, скажем, фигур в геометрии и т.п.

Безусловно, каждый человек переживает запечатленные в Календаре процессы только ему свойственным образом – это ведь именно его в буквальном смысле личная жизнь, быть может, в самой интимной ее сфере, и кто вправе определять извне, “правильно” или нет душа живет, дышит, продвигается во времени сообразно ее судьбе?.. И все же объективная грандиозная “правильность”, без тщательного опытного исследования которой не был бы создан Календарь, – она существует и реально действует. И отдельные факты и черты ее, открывающиеся в ходе работы с изречениями, могут заметно эту работу углубить, дать возможность, с одной стороны, ощутить всю временную целостность организма Календаря, с другой же – пережить незаменимость и важность происходящего в пределах буквально каждой из 52-х недель, проецирующей определенный импульс в одни пункты годичного круга и принимающей воздействия из других.

Если последовательно, один за другим исследовать все четыре 13-недельных межпраздничных этапа годичного странствия души, то выявляется каждый раз один и тот же неукоснительный ритм, характеризующий взаимодействие импульсов Макро- и Микрокосма на протяжении каждого такого этапа. Мы имеем здесь четыре единообразных и совершенно законченных в себе цикла душевно-духовных процессов. Первая неделя цикла – это всякий раз своеобразная прелюдия (1, 14, 27, 40). Она знаменуется интенсивным импульсом *извне*, которой побуждает тогда душу к собственной ее активности. Последующие пять недель – время реализации этой активности. Срединная, Седьмая неделя каждого цикла (7, 20, 33, 46) – это хорошо известный “момент искушения”: когда собственное движение души достигает кульминации, перед нею вдруг возникает протитворное действующее из нее импульса, полярная альтернатива ему. Душа лицезреет тогда, что могло бы произойти в этом пункте ее годичного пути, не будь выработано должного равновесия между внутренними и внешними компонентами ее жизненного содержания.*

И это равновесие начинает осуществляться сразу же по вступлении души во вторую половину каждой из четвертей. В продолжение двух, следующих за срединной, недель (8-9, 21-22, 34-35, 47-48) в душевное бытие мощно вступает импульс Макрокосма. Десятая неделя (10, 23, 36, 49) – важный пункт взаимопроникновения, перетекания друг в друга обоих импульсов. Закрывающая каждую четверть триада недель (11, 12, 13; 24, 25, 26; 37, 38, 39; 50, 51, 52) – это всегда триада идущих теперь рука об руку импульсов Макрокосма и Микрокосма, “неслиянных и нераздельных”.

При сопоставлении же самого содержания аналогичных по местоположению в каждой четверти и сменяющихся в ее ритмах собственных душевных и Мировых, макрокосмических импульсов видишь, что здесь, как и во взаимоотношениях отдельных недельных изречений, присутствует своя строгая соотнесенность. Выше мы

* Вследствие афористической природы изречений, призванных каждый раз влить в максимально сжатую форму сложнейший и многозначный процесс во всей его текучей конкретности, бывает нелегко сразу же составить удовлетворяющее осмысленное представление об их содержании. Но без этого невозможно последующее медитативное углубление в верном направлении. Такому первоначальному мыслительному охвату помогает прежде всего рассмотрение отдельного изречения не иначе как в самом живом контексте ближайших соседствующих с ним. Так и вся опасная “современность” возникающих в середине каждой четверти “искушений” открывается лишь при взгляде на правомерные импульсы души и Мирового Духа, должное взаимодействие которых запечатлено в соседних, обрамляющих Седьмые недели, изречениях.

выделили чередующиеся периоды доминирования в душе тех или иных импульсов, а также специфического для каждой четверти “искушения”. Прохождение душой двенадцати таких периодов – по три в каждой четверти – и составляет собственно ее годичный жизненный круг:

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО (Световосходящее полугодие)

IV ЧЕТВЕРТЬ

I ЧЕТВЕРТЬ

① Собственный импульс души – в активном самоотожествлении с восприятиями еще во Второй четверти и действующими теперь из ее собственных глубин Божественными силами Макрокосма

① Собственный импульс души – в активном устремлении из своих личностных оболочек во внешнее бытие Вселенной: там стремится она теперь “обрести основу своего подлинного существа” (3)

② СЕДЬМАЯ НЕДЕЛЯ (46): опасность для души быть оглушенной в своих чувственных восприятиях накатывающим на нее “хаотическим разрастанием мирового становления” (44), мощно вторгающегося в ее внутреннее. Это грозит лишить ее возможности достойно выйти ему навстречу из своих пределов: лишить ясности видения, просветляющей “смутные впечатления внешних чувств” (45)

② СЕДЬМАЯ НЕДЕЛЯ (7): опасность для человеческого “Я” ускользнуть, утратить себя во внешнем свете – вместо того, чтобы реально обнаружить, обрести себя в силах времени и пространства (6)

③ Радость Мирового становления и надежность Мирового Мышления (47, 48) мощно притекают во внутреннее души, оживляя сферу ее внешних чувств и освещая загадочную тьму ее собственных глубин светом Мирового Слова, космического Разума

③ Созидающая деятельность Богов сливается с деятельностью внешних чувств человека, поднимающихся вместе с Солнцем Макрокосма к летним высотам. Само Божественное Существо устремляется к душе, окутывая и пронизывая ее своим Мировым Светом и Теплом, даруя ей возможность ощутить в них себя родственной Духу

УКРЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО (Светонисходящее полугодие)

II ЧЕТВЕРТЬ

① Собственный импульс души – в максимально интенсивном принятии, через врата внешних чувств, в свои основы того, что даруется ей Духом из Мировых Далей

② СЕДЬМАЯ НЕДЕЛЯ (20): опасность для души угасить, умертвить собственное бытие, отдаляясь от Мирового Бытия, полагаясь в своей жизнедеятельности только на себя. В действительности же лишь воспринимаемый во внутреннее зачаток Мирового Слова может “дать мне меня самого” (18-19)

③ Внешний импульс Макрокосма теперь заключается в жертвенной Его самоотдаче внутреннему души, в отождествлении с нею, так чтобы она позднее смогла вносить “в холодные потоки зимы” жар Солнца, ставший ее собственным внутренним теплом (25)

III ЧЕТВЕРТЬ

① Собственный импульс души – из внутренних далей своего существа, ранее насыщенного солнечным светом Мирового Духа, “посылать мысленные лучи”, пронизывать ими “приглушенность чувств”(31), и освещать ими переживаемое в мире, постигая его смысл воспринятой в душевные глубины мудростью Мирового Духа (29)

② СЕДЬМАЯ НЕДЕЛЯ (33): опасность для души – не дать миру открыться и воссоздать себя в ней, опасность замкнуть перед ним врата в свое внутреннее, вместо того, чтобы отдать себя ему (32). Если бы это произошло, лишенный ее сопереживания мир явил бы собой лишь пустоту, холод, смерть

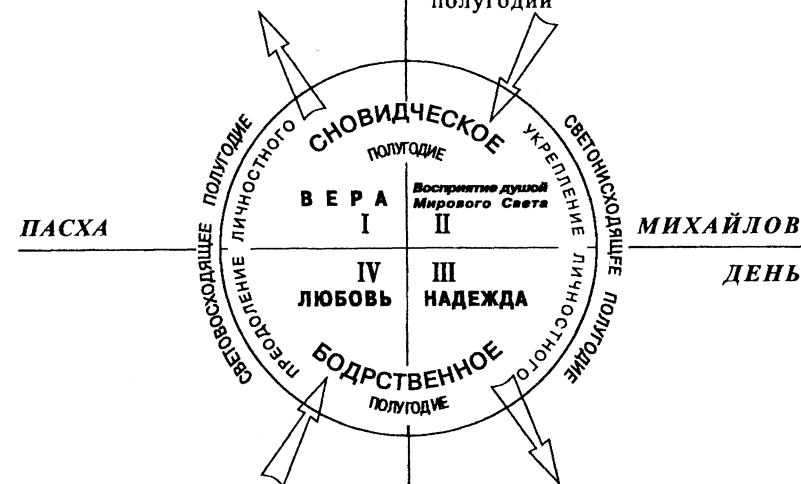
③ Силы Мирового Бытия изливаются во внешние деяния человека через создающее устремление души. Душа может теперь, становясь проводником Божественных сил, “укореняться в мировых основах”, “вживаться в Мировое “Я” как Его член” (35, 37)

Мы видели только что: сами годовые четверти соотносятся друг с другом как своего рода “аналоги” либо “антиподы”:

ИОАННОВ ДЕНЬ

Душа увлекается Солнцем из своей личностной оболочки в расцветающий внешнечувственный мир, к восприятию Мирового Духа и в Нем – себя

Душе даруется зачаток Мирового Слова как основа личностного. Воспринятый извне в глубины души, он в ней созревает, укрепляя ее для внешнего действия в предстоящем Бодрственном полугодии

Мировой Дух-Свет вливается в душу, увлекая ее вглубь, к духовным основам человека, побуждая преодолевать личностное

Душа, воспринявшая Мировое Слово как импульс для индивидуальной инициативы, действует во-вне. Воспринятый в истекшем Сновидческом полугодии Мировой Свет устремляется из индивидуального духа во-вне, в мир, просветляя и прорабатывая его

РОЖДЕСТВО

Возвращаясь к взаимоотношениям отдельных изречений, можно отметить, что они отвечают известной уравнивающей закономерности, которая вообще характеризует взаимосвязь двух исторических моментов, одинаково, как бы “зеркально” отстоящих во времени от одного срединного пункта. Роль такой точки отсчета этот пункт обретает, лишь если в нем произошло какое-то важное событие, радикально значимое как для подготовившего его, так и для следующего за ним периодов. На подобные, выравнивающие ход истории, “зеркальные” события неоднократно указывал Рудольф Штейнер, характеризуя их подчас как “противо-удары”.*

В качестве упомянутых точек отсчета для Календаря души естественнее всего, конечно, брать пункты четырех великих Праздников года, точнее, связанных с ними “осей”, крестообразно разделяющих годичный круг. Они-то и позволяют выявить полярность “зеркальных”, то есть входящих в две взаимно прилежащие четверти, изречений. Это соотношение остается в силе, по какому бы принципу ни делили мы годовой круг: на “световосходящее” и “светонисходящее” или же на “сновидческое” и “бодрственное” полугодия.

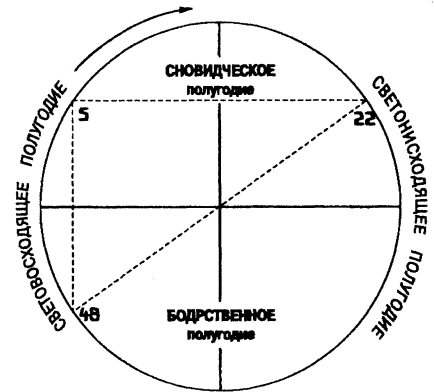
Но именно с этой двойкой возможностью членения годового круга связана одна особенность взаимосвязи отдельных “противоположных” изречений. Здесь как бы имеют место полярность первого и полярность второго порядка – по степени их проявления. Более существенным образом каждое изречение всегда противостоит своему “антиподу” из недавно пройденной четверти. Слабее же выраженная полярность второго порядка характеризует отношение того же изречения к “антиподу” из четверти, вступить в которую предстоит вскоре душе.

И это не могло бы быть иначе. Ведь переходя в новую четверть, душа тем самым каждый раз вступает и в новое полугодие – в том смысле, что сразу же актуализируется иное, новое состояние Мирового или же собственного ее бытия: прибывание или убывание природного света и тепла, с одной стороны, возрастание или ослабление душевного бодрствования – с другой. И для успешного продвижения в новых условиях душа как бы отталкивается от пройденного, перестраивается на нужную теперь

* Например, в лекции 14 октября 1914 г. в Дорнахе, GA177, Dornach 1977. S.158,159.

(Всюду в дальнейшем так обозначается порядковый номер цитируемого источника по Каталогу Полного собрания (Gesamtausgabe) сочинений Р.Штейнера, издающегося на немецком языке с 1956 г. в Дорнахе, Швейцария)

тональность, свойственную принявшему ее полугодю. Потому и взаимная полярность принадлежащих этому полугодю “зеркальных”, то есть “противоположных” изречений гораздо менее антагонистична, нежели та, что присуща таким же изречениям полугодия, во второй четверти которого пребывает сейчас душа. Она, в этом смысле, конечно всегда находится одновременно в двух взаимопроникающих полугодиях, но сам поступательный ход времени диктует постоянную обращенность к Будущему. Оттого и оказывается возможным, находясь в определенной точке любой четверти, яснее определить собственное состояние, ориентируясь по “зеркальным” точкам соседствующих по обе стороны четвертей. Одна из них уже покинута, как бы преодолена и отторгнута душой, другая же гостеприимно готовит ей встречу. К тому же “зеркальное” изречение из будущей четверти полугодия, в которое вступила теперь душа, – это всего лишь “аналог”, отголосок, даже повторение в каком-то смысле, “зеркального” изречения полугодия, оставленного позади, а значит и включенного уже в опыт души. Это мы и имеем ввиду, говоря о более резкой противоположности каждого изречения по отношению к своему “вчерашнему” антиподу, чем к “завтрашнему”.

*

Мы видим прекрасную, абсолютно гармоничную картину годичного кругооборота – душевно-личностного и духовно-Мирового одновременно, – когда ставим перед собой его образ во всей нерасторжимой его целостности.

В то же время ощущение логически-строгой *преемственности* происходящего с душой по мере прохождения ею четверть за четвертью годичного жизненного круга не покидает нас при последовательном, сообразном ходу времени, рассмотрении этих четвертей. Существо этой преемственности – в укреплении и активизации одного за другим трех основных аспектов душевного жизнепроявления человека: *его воли, мышления и чувствования*. Безусловно, они тесно слиты в здоровом человеческом существе, и полноценная жизнь личности способна и призвана проявляться во

всех своих ипостасях всегда и в любом пункте года. И все же, при чутком самонаблюдении, мы замечаем, что раскрытию и утверждению каждой из этих душевных сил благоприятствует и как бы сродни ей всегда определенный период годичной жизни внешнего природного мира.

Вот Третья четверть года. Это время созревания собственных сил души, созидающих сил ее жизненной воли. Они могут окрепнуть в самоотверженной внешней работе, в "ткании своей жизненной судьбы" человеком (31-32, 35-36). Завершающее, праздничное изречение Второй четверти уже содержало указание на этот предстоящий основной душевно-мировой процесс Третьей, было тогда как бы предуказывающим по отношению к ней (26). В то же время в эту собственную внешнюю человеческую деятельность изливаются из глубин души воспринятые ранее и сохраненные ею Мировые силы (34).

Также и последнее недельное изречение Третьей четверти (39) со всей определенностью предуказывает задачу Четвертой — просветление полноты души ясностью собственного человеческого мышления (44-45, 47, 49). И затем, на склоне завершающей из четырех фаз годовороты, как было это и в предшествующих четвертях, звучит напоминание об истинном источнике доминирующей здесь душевной силы — воспринятом некогда прежде свете Мирового Мышления (48). А последнее, предпасхальное изречение этой четверти — настоящий гимн мощному грядущему устремлению человеческого духа из тесных душевных оболочек в просторы дарующего жизнь Мирового Бытия (52).

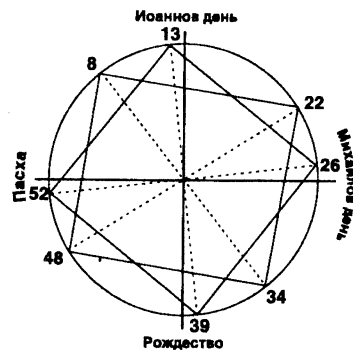
Первая четверть нового Мирового Года пронизана мощью человеческих чувств, обращаемых к восстающей Божественно-природной жизни. Но теперь это уже не та созидающая и формирующая обращенность к внешнему, что характеризовала противоположащую, Третью четверть, когда человеческая душа в твердом самосознании противостояла миру. Нет, отношение души к внешнему космическому Бытию теперь совершенно иное: это жизнь в пьянящей призрачности чувственной иллюзии, то и дело забывающаяся в смутных, неопределенных ощущениях, пред-чувствиях, граничащих, однако, с подлинным духовным созерцанием (7, 8, 9, 10). Это преимущественно время стихийного слияния, любовного взаимопроникновения Микро- и Макрокосма.

В то же время, орудием и, так сказать, театром, где может разыгрываться эта исполненная прекрасных образов грезоподобная жизнь, служит, конечно, не что иное как человеческое мышление, выцветавшее в предшествовавшем "бодрственном" полугодии, — об этом напоминает нам изречение 8-й недели. И как раз для этого должно мышление правильно понять нынешнюю свою роль и "безмолвно удерживать себя в сновидческом бытии".

И когда в забвении себя самой душа парит, увлекаемая "высотами внешних чувств", в ее глубинах вспыхивает "слово Истины

Богов", призывающее ее к радостной задаче предстоящей эпохи года — отыскать в духовных основах мира родственные ей силы Мирового Слова, чтобы воспринять их в себя. Об этой задаче и гласит изречение 13-й, "предуказывающей" недели.

И вот уже начинает душа чувствовать действующее в мировом сиянии творящее начало Мирового Духа. Вторая четверть года дает ей возможность расширить свои пределы, принимая в них через распахнутые совсем недавно врата внешних чувств Мировое Слово, Божественный Логос. Теперь, подобно тому, как это было уже в Четвертой, противоположащей четверти, деятельность души вновь начинает обращаться на самое себя — она должна стать "достойным облачением" становящегося ее достоянием Духа (15, 16, 17, 18). Тогда свет этого Духа, продолжая мощно жить и сиять в духовных глубинах человека, будет способствовать созреванию и рождению плодов недавнего любовного слияния Макрокосма и Микрокосма, свершившегося в насыщенных целительными, животворящими пробразами "летнем сне" Первой годичной четверти (22). Эти-то плоды и позволят в дальнейшем ходе времени созреть из Мирового "Я" человеческому "Я", когда душа после летнего странствия в Мировых Далих вновь обратится к "тканию" собственной жизненной судьбы в волевом становлении Третьей четверти.*

* Хотя расположение как "предуказывающих" (13, 26, 39, 52), так и "ретроспективных", "напоминающих" (8, 22, 34, 48) недель относительно праздничных осей отличается от классически симметричного расположения обычной четвертицы "противоположных" и "противолжащих" недель, тем не менее, будучи соединены линиями на воображаемой плоскости годового круга, и те, и другие составят совершенно идентичные фигуры. Ибо тогда окажется, что и "ретроспективные", и "предуказывающие" недели соотносятся меж собой как "противолжащие".

Вообще, при углубленном исследовании Календаря подобные кажущиеся "нарушения" ранее обнаруженных и, впрочем, универсальных принципов его построения, композиции, могут подчас существенно обогатить представление о целостном его организме и, кроме того, еще более утвердить реальное проявление упомянутых принципов. Для автора, к примеру, одно время оставалась загадкой своеобразная "неправильность" в расположении самих праздничных недель. В самом деле, Пасхальная неделя (1), открывая

Конечно же, каждая отдельно взятая четверть не может и не должна быть исключительным олицетворением какого-то одного определенного начала душевной или мировой жизни. И все же явственное проникновение в каждую последующую четверть

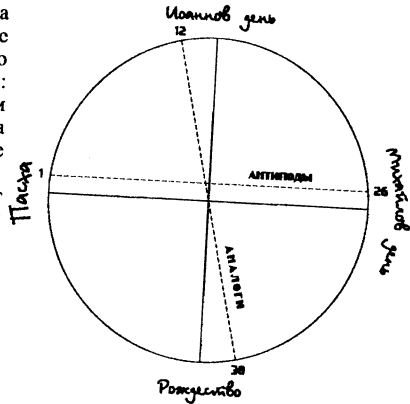
собой новый годооборот, тем самым располагается сразу после праздничной "оси". В настроении же Иоаннова дня душа вступает за две недели до достижения другой такой "оси". Михайлов день за неделю предшествует вступлению в новую четверть, а Рождество, как и Иоаннов день, наступает за две недели до такого же момента.

Конечно же, нельзя забывать и о самой условности строго геометрического крестообразного расположения праздничных "осей" в соответствии с четырьмя 13-недельными циклами. Дни Праздников в действительности лишь как бы осеняют своей близостью границы между четвертями, не говоря уже о естественной подвижности от года к году дня Пасхи. Геометрический образ годичного круга — только некое идеальное мыслительное построение, соответствующее количественной структуре Календаря. Но именно поэтому соответствующие количественной структуре годового круга какую-то часть Праздников, будучи соединены линиями, должны, казалось бы, составить на воображаемой плоскости годового круга симметричную фигуру: равноконечный крест, квадрат и т.п. И если этого нет, значит налицо явная произвольность либо неясность.

Усомниться в этом заставила прежде всего уже неоднократно подтверждавшаяся связь геометрического взаиморасположения определенных изречений с соотношением их внутреннего смысла. И действительно, стоило сопоставить текст четырех праздничных изречений, тотчас обнаружили давно знакомые "противолежащий" (12-38) и "противоположный" (1-26) принципы их взаимного расположения. И именно то, что великие Праздники года все же не составляют собой обычной четверицы "противоположных" и "противолежащих" изречений, наиболее отчетливо их внутренней сущности.

В то же время здесь особенно красноречиво проявляет себя известное в духоведении явление: духовные соотношения и реальности выступают как бы с неким обратным знаком по отношению к связанному с ними или воплощающему их материально-зримому. В данном случае, тождественные, казалось бы, пункты равноденствия (1-26) оказываются "антиподами" в отношении доминирующей устремленности души. А буквально противоположные в земных условиях области зимней тьмы и летнего Солнца (38-12) оказываются в духовном смысле "аналогами": в обоих случаях Божественные силы, составляющие основу душевного существа человека, устремляются в мировые дали Макро-косма, при безусловно полярном душевном настроении: зачарованности "блистанием мировой красоты" лета противостоит зимнее "освобождение от чар".

Первостепенное значение имеет здесь, конечно, и то, что Пасха и Михайлов день — это границы, радикально разделяющие два годичных региона, полярно противоположных в отношении душевной настроенности человека ("сновидческое" и "бодрственное" полугодия), чего никак нельзя сказать о пунктах Рождества и Иоаннова дня.

основополагающего духовно-душевного процесса предыдущей как раз подчеркивает и закрепляет за каждым таким процессом совершенно определенную область годичного круга, то есть относительно ограничивающий его временной период.

Действительно, несколько первых недель каждой четверти всегда еще исполнены того начала, раскрытие и становление которого пришлось на предшествовавшую часть года. Так, четыре первые недели Световосходящего полугодия (Четвертая четверть) отмечены интенсивным проявлением "сил Богов", огненной силы Мирового Слова через "созидающую мощь души", через "раскрытие ее собственной силы" (40-41, 42-43). Эта мощь, эта *собственная* душевная сила человека — непосредственное наследие Третьей, Волевой четверти.

Так и позднее, в изречениях, открывающих собою Первую четверть, главным действующим лицом все еще является человеческое мышление, ясность и силу которому дано было обрести в прохождении через последнюю четверть минувшего года. Но теперь оно утрачивает, добровольно растворяет "в даях пространства" собственное бытие и способно свободно устремиться в "озаренный Солнцем" *макрокосмический* мир, который только и может одарить это мышление своим теплом — в дополнение к присущей уже ему ясности (1, 2, 4).

Начало Второй четверти. В преддверии своего приобщения к духовному свету Мирового Мышления и Мирового Слова-Логоса душа преисполнена еще переживания мировых просторов, откровений света внешних чувств, достигших своих высот в Первой четверти (14, 15, 17).

Круг годичного странствия склоняется к завершению. Душа вновь вступает во вторую половину светонисходящего полугодия, в Третью, "волевою" четверть. Нынешнее устремление души к формирующей внешней деятельности в мире сможет осуществляться правомерным образом лишь при условии, если оно будет просвещено "из душевной солнечной мощи" тем светом Мирового Мышления, что просветил и насытил саму душу в предшествовавшей летней фазе ее пути — наиболее всего во Второй четверти. Это и есть "зрелые плоды мышления" — подлинный дар летнего Солнца. Лишь воспринятый в глубины души Мировой Дух может теперь служить подлинным источником сил для человеческих деяний (27-28, 29-30, 31).

Впрочем, если вдуматься, эти две пары пунктов годичного круга и в чисто внешнем отношении противостоят друг другу. Рождество и Иоаннов день отнюдь не заменяют начало существенных изменений в природной жизни, тогда как Пасха и Михайлов день стоят как раз в их преддверии.

Красноречивым представляется в свете сказанного и традиционное календарное установление Иоаннова дня и Сочельника: в обоих случаях это 24-е число.

По какому бы пути ты ни шел,
границ души ты не найдешь:
столь глубок ее Логос.

Гераклит

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНО-ВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

*ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА — великая Троица душевного
мира • ВСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ПРИНЦИПА • СОФИЙНОСТЬ
ДУШИ И БОЖЕСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ • "МАТЕРИНСКОЕ
БЫТИЕ" ПРИРОДЫ И "ЖЕНСТВЕННАЯ" МИССИЯ ДУШИ •
ОЧИЩАЮЩАЯ БИТВА ОСЕНИ • ГОД ДУШИ И ПЕРЕЖИ-
ВАНИЕ СУБСТАНЦИИ ВРЕМЕНИ*

Иоаннов день, Пасха, Рождество — обзревая свой, пройденный через эти великие моменты года путь, душа видит, как обретала она в каждом из них одно из духовно-жизненных начал, одну из тех сил, что олицетворяют, собственно, само существо Микрокосма. ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА — каждая из них, созревая по мере сознательного и активного прохождения человеком одной из четвертей годичного круга, знаменовала новый аспект его отношений с внешним миром, являлась душе как еще одна дарованная ей возможность вырастать из самой себя, ощущать себя соучастницей в Божественных деяниях. И, как могли мы видеть, природа этих сил такова, что полное раскрытие, рождение одной из них в душе непреложно закладывает основу для пробуждения и созревания другой в следующей четверти года.

Надежда, итог и плод душевной работы в Третьей четверти, осеняет душу началом Любви, которая, достигнув полноты своего проявления в Четвертой четверти к моменту Пасхи, в свою очередь преображает затем душу, распаивает ее навстречу Вселенной, что было бы невозможно без закладывавшихся в душе уже в преддверии Первой четверти зачатков доверия к этой Вселенной, Веры в свою родственность ей и в благотворность лучащихся навстречу человеческим чувствам Мирового Света и Мирового Тепла.

И вот душа вновь, в очередной раз, у порога Второй четверти — второй половины Сновидческого полугодия. Здесь мы остановились в нашем рассмотрении, когда проследили раскрытие трех основополагающих аспектов душевного бытия в первой части этих наблюдений. Теперь, после неоднократного мысленного

прохождения каждой из четырех фаз совместного годичного движения Макро- и Микрокосма, взгляды пристальнее в этот важный этап ежегодного странствия души.

Прожив вместе с Календарем души предыдущую четверть года, мы знаем, как увлекаемая Солнцем душа человека могла достичь летних высот Иоаннова дня и обрести собственную полноту вместе с воспринятым здесь в собственные глубины началом Веры. Человеческое мышление дошло до крайних пределов самоуменьшения и растворения в буйной природной жизни Сновидческого полугодия. И именно обретенное тогда начало Веры, ориентирующее человеческое мышление на принятие импульсов Мышления космического, связывающее эти два полюса вселенской мысли, позволит теперь душе полноцено прожить эту пред-Михайлову четверть.* Ибо не что иное как Мировое Мышление, Мировое Слово, творящий Мировой Дух — главное действующее лицо Второй четверти (14-15, 17-18). Лишь к концу ее созревающая к собственной активности душа, будучи "вручена сама себе" этой могучей внешней силой Макрокосма, обретет и собственный душевный свет, осознает себя способной распространять этот внутренний свет "во тьме пространства и времён" (21-22, 24-25). Но этим душевным светом

* Указание на эту природу отношений человеческого и Космического мышления можно обнаружить в одной из индивидуально дававшихся Рудольфом Штейнером медитаций:

«Нсколебимо ставить себя в бытии,
Уверенно ступать по жизненному пути,
Любовь оберегать в средоточии своего существа,
Надежду запечатлеть в каждом поступке,
В с р у (Vertrauen) влагать во все мышлении с».
(GA 245)

Знаменательно, что здесь же мы находим соотношение начала Надежды с волсовой человеческой сферой, как это имеет место и в Календаре души.

Что же касается "мыслительной" природы веры, доверия как повседневно проявляющейся душевной способности, можно вспомнить так часто звучащее в речи немца "ich glaube..." ("я думаю" или "я полагаю..."). Гений языка абсолютно точно соотносит эту способность души с совершенно определенной областью трехчленного существа человека.

Более того, человек не может обходиться без полнейшего и естественного доверия к самому мышлению как таковому. Ведь отдаваясь, доверяясь ему, душа тем самым включается в абсолютно реальный, объективно и истинно существующий поток Мирового Свершения. Об этом Рудольф Штейнер говорит чуть ли не в первых же словах книги "Порог духовного мира": "Она (душа — А.К.) чувствует, что должна была бы утратить в жизни всякую уверенность, если бы не имела этого доверия". Мышление, можно сказать, уже своим своим наличием ежеминутно осеняет включенное в него органически человеческое существо этой жизненно необходимой способностью доверия.

становится тогда именно “Свет из мировых просторов, продолжающий жить мощно во мне”(22). А в человеческом самопознании “устремится вперед”, обретая в нем новую жизнь, сам Мировой Дух (24). Это он сейчас, на склоне лета, пронизывает и наполняет своими силами глубины человеческой души, чтобы действительно проявиться в “человеческих трудах” (31) и в собственном человеческом мышлении в предстоящем “бодрственном” полугодии.

Начало Веры, позволяя душе возвыситься над непосредственной достоверностью чувственного мира, тем самым дарует ей возможность воспринять теперь некое новое начало – четвертое из определяющих ее существование.

Природа этого начала не позволяет отнестись к нему, подобно трем прежде обретенным, к *собственно человеческим* духовным силам. В отличие от них, оно живет и действует реально лишь в том случае, когда налицо, так сказать, равноправное взаимопроникновение и взаимодействие Микрокосма и Макрокосма, человеческого разумения и Космического Мышления – Мировой Мудрости. Это поистине Богочеловеческое начало. Имена его мы находим в ранних памятниках античной философии, не оторвавшейся еще от своих мистериальных корней, в мистических движениях эллинизма, в творениях неоплатоников и в христианской эзотерике, в Каббале евреев и в теософии Генриха Сузо и Якова Бёме, в высоких штудиях классического идеализма Нового времени, проработывавшегося к подлинно спиритуальному реализму видения мира, к чистому единству человеческой и Космической мысли.

Позднее этот духовный принцип мы встречаем действительно пронизывающим всю социальную, культурную жизнь “всеединого человечества” в русской философии “нового религиозного сознания” и у русских поэтов-символистов на пороге XX-го столетия.

Это – *MAGNA MATER DEORUM* до-христианского культа, Вечная Женственность (“*das ewig-weibliche*”) Гёте, Божественная МУДРОСТЬ-СОФИЯ, Душа Мира, соединяющая Творца и творение, грань и одновременно связующее звено между Богом и миром, “Церковь вселенной”, “Идея Божия”, которую, однако, по словам русского философа Сергея Булгакова, “нельзя мыслить только как идеальное представление, лишенное жизненной конкретности и силы бытия”.

Эту ее особенность мы и видим отраженной в изречениях Календаря, относящихся ко Второй четверти года. Ибо *лишь став сама, в определенном смысле, этой Софией*, может человеческая душа воспринять дар Духа, зачаток Мирового Слова, действующего в мире внешних чувств во всей своей “жизненной конкретности и силе бытия”.

Обретение этой Божественной Мудрости-Софии, пронизание ею собственного разума, всей человеческой жизни – вечный идеал исторического человечества. Это тот великий идеал спиритуализации погруженного в земное человеческого мышления, воплотиться которому дано ныне реально в антропософской духовной науке. Здесь впервые возникает уникальная возможность гармонического взаимодействия и полного раскрытия тех способностей, что коренятся как в “бодрственной”, так и в “сновидческой” природе человеческого душевного существа. Философский, религиозный, научно-познавательный, художественный, социальный аспекты полноценного земного человеческого творчества – все это в эпоху Михаила получает новые преобразующие и одухотворяющие импульсы в мощном потоке открываний духовных миров, излившемся в человечество благодаря жизненному подвигу Рудольфа Штейнера. И знаком поворота человеческой истории в самых глубоких низинах материализма к новой эпохе служит ныне возможность для каждой человеческой души сочетаться с этим великим идеалом.

Итак, в отличие от остальных годовых четвертей, каждая из которых отвечает одному из трех душевных аспектов человека – воле, мышлению или чувству, – Вторая четверть наиболее благоприятствует активному взаимодействию *целостного* человеческого существа и Мирового Духа.* Ко дню Михаила, открывающему собой Бодрственное полугодие, волевое существо человека становится способным пережить “материнское бытие” природного мира как свое собственное (26): в этот момент жизни года личностно-мировое, Богочеловеческое начало – София – в наибольшей степени может быть воспринято, воплощено в земную жизнедеятельность души. Тем самым человеку открывается возможность стать со-творцом вершащего в мире Божества.* *

* Примечательно, что если в самих изречениях Второй годичной четверти, данных в Календаре души в 1912 году, фигурирует Мировое Слово, Мировой Дух, Мировое Я и всячески подчеркивается макрокосмическая природа этого “главного действующего лица”, оплодотворяющего в это время раскрытое ему навстречу лоно души, то в 1923 году, во время одной из лекций цикла о кругообороте года (8.4.1923, GA223), на рисунке, характеризующем различие задач души в зависимости от времени года и обретаемых тогда ею качеств и добродетелей, как раз над отрезком времени, предшествующим Дню Михаила, Рудольф Штейнер поставил “Духовная Мудрость”. Именно она, оставаясь, как таковая, вполне макрокосмическим, объективно-мировым Началом, может ведь одновременно стать индивидуальным, микрокосмическим достоянием самой человеческой души, делая ее “богоравной”.

** Здесь можно вспомнить, что буквально в этом же пункте года – 30 сентября – празднуют в восточно-христианской традиции день св.мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, как бы связываясь через их импинативные образы с жизнью, деяниями и прозрениями первохристианской Церкви.

Поистине, лишь открыв свою душу совместному действию в ней всех этих четырех Начал, может человек стать активным и “богоравным” деятелем в мире.

Что знаем мы об этом начале, в котором Микрокосм и Макрокосм слиты воедино?

Русский религиозный философ Владимир Соловьев, в работах которого можно встретить свидетельство реальных мистических переживаний, связанных с Софией как высоким индивидуальным духовным существом, обращал внимание на то, что лишь в русской иконописной традиции вполне определенно персонифицирован ее образ. Византийских аналогов не существует. В то же время он знал, что имевшие место задолго до его поисков обращения за разъяснениями к просвещенным церковным лицам ни к чему не приводили. И это укрепило его в убеждении, что здесь не может идти речи о какой бы то ни было унаследованной с церковным восточным христианством концепции. Напротив, имагинативный взор безвестных мастеров – подвижников иконописи был обращен в будущее, к тем временам, когда проработавшееся к высшей духовности человечество станет единым, очищенным и просветленным существом. Это существо есть в то же время “выраженная, осуществленная идея” самого Божества.

Соловьев указывает, что уже библейская книга “Притчей Соломоновых” говорит о Софии-Премудрости как о существо-вавшей “прежде создания мира” (то есть мира природного): “...”Бог имел ее в начале путей Своих”, то есть она есть идея, которую Он имеет перед Собой в своем творчестве и которую, следовательно, Он осуществляет”. * Поразительным образом эти размышления Соловьева приближаются к духовно-научным сообщениям Рудольфа Штейнера о том образе, что “подобно великолепному Храму стоит в даях времен” и который открывается человеческой душе в известный момент ее странствия между земными воплощениями. Храм этот есть “благороднейший человеческий идеал, мировая цель Богов, их цель и религия – образ Человечества”. Этот образ “парит для Богов” и “как высочайшее художественное достижение Богов представляет отображение божественного бытия в человеческом образе”.

При лицезрении этого Храма “божественные силы проникают своим теплом и огнем наши внутренние силы души. Это есть урок, гласящий непосредственно нашему внутреннему и выражающийся в том, что мы все больше и больше приобретаем способность действительно желать идти по пути к тому, что мы созерцаем как идеал”. **

* Вл. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве. Чтенис 7-е, собр. соч. т. III. СПб, 1912. С. 114-115.

** Лекция 25. XI. 1907, GA 100.

Христос – Представитель, возвышеннейший идеал и воплощение человека как такового. Это один из важнейших аспектов существа Спасителя. София – Матерь Его, по исповеданию гностиков-иоаннитов. Предназначение каждой человеческой души – стать этой Софией в конце длительного и бесконечно трудного пути самоочищения и совершенствования. Последнее же в огромной мере есть способность души *воспринимать* в свое лоно оплодотворяющий импульс “Отчего Духа”, Мирового Я.

Посмотрите, как отчетливо этот аспект взаимоотношений человеческого и Мирового Я отображается в изречениях Календаря души, относящихся ко времени между днем Иоанна и днем Михаила! Мощно звучит здесь тема духовного оплодотворения души и вызревания в ее лоне зачатка Мирового Слова, отражением Которого должно стать Я человека (16, 18, 21, 22, 24).

И в то же время душа обнаруживает, что осеняющие ее дары Мирового Духа – не что иное как истинное идеальное существо человека, в которое она облесается, если действительно забывает, утрачивает свое “обособленное волевое бытие”. Предчувствие этой встречи со своим собственным праобразом в Мировом Бытии начинает нарастать уже в ходе после-пасхального движения души к “Софийной” четверти (3, 4, 5, 6, 9, 11, 12). Не о том ли своем “изначальном состоянии” помнит теперь “взрастающее Я человека” (3), когда оно вместе с Богами могло созерцать великий Храм – “отображение божественного бытия в человеческом образе”, по приведенному выше свидетельству Рудольфа Штейнера?

Вся же Вторая четверть по существу может, при соответствующей работе души, стать торжеством обретения “себя самого” – как душою в мировых просторах и Мировом Я, так и Мировым Духом, “заново оживающим в человеческом само-познании” (24).

Такая “материнская” работа души есть неотъемлемая часть природного бытия, она ему жизненно необходима. Вот как говорит об этом в применении к соборной Душе человечества Владимир Соловьев, созерцая образ Софии Премудрости Божией на иконе древнего новгородского храма: “Это Великое, царственное и женственное существо... кто же оно, как не истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и Вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с Ним все, что есть”. (Собр. соч. т. 9, СПб., 1913, С. 190-191). В то же время “София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом Божественного единства”. * “Осуществляющий в Себе или носящий это единство

* Не се ли ближайшее для нас проявление – сам высший чувственный мир, отображающий в любой, самой малой своей частице “истину Божественного (и, одновременно, идеально-человеческого) праобраза” (6)? И что есть она, эта истина, как не сама Божественная Мудрость, София?

Христос как цельный божественный организм – универсальный и индивидуальный вместе – есть и Логос и София”. (Вл.Соловьев. Собр.соч. т.III. СПб. С.114).

* * *

Как говорилось уже, было бы ошибкой педантично ограничивать и теснить рамками одного какого-то “сезонного” периода деятельную жизнь любого из душевно-духовных принципов, любой действующей из душевных глубин человека силы. Мы видели, к примеру, как созревающее в Третьей четверти начало Надежды направлено в это время на внутреннюю способность человека разрешать “жизненные загадки”, постигая укрепленным в себе мышлением сокровенный смысл переживаний и испытаний собственной жизни, а вслед за тем, в Четвертой четверти надежда души обращается уже вовне – к силам Мирового Мышления и Мирового Бытия. И, конечно, она, как и другие основополагающие принципы жизни души, никогда не может быть выключена из этой жизни без ущерба нормальному нравственному и душевному равновесию человека. Речь может идти именно лишь о принципиальном *соотнесении* определенного духовно-душевного начала в его характерной сущности с определенным же циклом внешне-природной жизни в кругообороте года, благоприятствующим наиболее активному раскрытию именно этого начала. Ведь при всей достигнутой в ходе эволюции внутренней независимости человеческой душевной жизни, она все же с высочайшей закономерностью включена в общую природную жизнь Земли. И здоровое мироощущение неизменно свидетельствует об этом, какое бы время года ни подступало к человеку.

Вот, совершив очередной кругооборот, подошли и мы в своих рассматриваниях к определенной области года: душа призывается теперь готовиться к переходу из Сновидческого полугодия в Бодрственное. В последних пред-Михаиловых изречениях (23-25) со всей определенностью звучит мотив засыпания, затемнения природной жизни и пробуждения “меня самого” во тьме жизни душевной, созидания в ней Мировым Духом волевого плода Я-ощущения. Ясно, определенно проявляет здесь себя та известная противоположность взаимопроникающих – человеческого и природного – начал, что тесно связана с противоположностью состояний летней и зимней жизни Земли.

Летом природное начало, ярче всего обнаруживающее себя в обступающем нас растительном мире, расцветало, интенсивно

изживалось в неисчислимых явлениях оплодотворения, созревания, роста. Для растения это, в известном смысле, поистине эпоха его инкарнации, бодрствования связанных с ним элементарных духовных существ. В пронизанном солнцем окружении Земли, в небесных далях, несущих растению питание и его, так сказать, внешнее жизненное содержание в своего рода “восприятиях” и “впечатлениях” – там его “Земля”, опора, почва, к которой оно и обращено летом в своем “бодрствовании”, там поле его деятельности, которая непосредственно, тесно связана с деятельностью планет и звезд, а также различных классов элементарных существ, чья жизненная сфера фактически простирается из-за пределов Земли.

Человек же в это время, следуя в сопереживании за природными процессами, вел, в сущности, сновидческую жизнь, выходя из личностной душевной замкнутости в мир величественных, пронизанных мировой жизнью имажинаций. Это происходило благодаря уже самой летней насыщенности пробудившейся природы красками и звуками, многообразнейшими проявлениями деятельности существ, которым не дано было высвободиться, подобно человеку, из неукоснительной зависимости от природной необходимости, из тесной включенности в жизненные циклы, совместные с сезонной жизнью Земли. Это богатство внешне-чувственных восприятий, даруемых человеческой душе в летнее время, не что иное для нее как сон – животворный и целительный, напечатлевающий ей новые силы через созидательные жизне-образы Макрокосма. Вслед за Душой Земли, также покидающей тогда свои твердыни, человек устремлялся летом в необъятную жизнь Вселенной – подобно тому, как это происходит с ним каждую ночь. Для растения же духовным Солнцем является центр Земли. Это его “Макрокосм”, куда устремляются связанные с ним духи Земли зимой и где черпает оно тогда живительные творящие праобразы для своей будущей летней “бодрственной” жизни. К этому своему Солнцу обращена “голова” растения – его корни, как и человеческая головная организация обращена к питающему ее мыслительному потоку, струящемуся из солнечных и звездных далей, в которых она ведь, собственно, коренится.*

* Известное указание Рудольфа Штейнера на то, что в первую из Рождественских Ночей сознание растений соединяется с сознанием минералов, позволяет предположить, что на противоположном этому моменту горизонте годооборота, то есть в начале Второй, “Софийной” четверти – в высшей точке Сновидческого полугодия – как полярно-противоположное событие, подобное же происходит между сознанием человека (или человечества?) и Мировым, макрокосмическим сознанием.

В противоположность существу растения, человеческая душа, следующая в сопереживании течения года за природной жизнью, может теперь, на пороге Бодрственного полугодия, когда “ко сну стремится существо природы” (25), обратиться к своим земным жизненным задачам и возможностям. И если для засыпающего существа растения зима знаменует подобный сну выход к животворным источникам его “неба”, то в отношении человека это время, напротив, благоприятствует наибольшей полноте бодрствующего самоосознания, личной душевной активности, жертвенно обращаемой на созидание во внешнем мире. Жертвенно – ибо бодрствование есть умирание, сжигание физически-жизненного в душевном огне ради свечения Духа. Поистине, душа человека, по слову последнего пред-Михаилова изречения, может теперь принадлежать самой себе, излучать внутренний свет во тьму пространства и времени, где в это время отходит ко сну существо природы.

И теперь существо человека наиболее склонно сочетаться в своей душевной пробужденности с полнотой воспринятой некогда макрокосмической Мудрости – Божественной Софии, струившейся тогда к нему еще в “трезях мысли” с самого начала Второй четверти (14).

Вместе с Душой Земли вновь возвращается душевное существо человека в земное. Но должным образом освоиться в земной реальности, сообразуясь с ее законами, сможет оно лишь опираясь на силы Михаила, бдительно стоящего у этих осенних врат. Победа в великой очищающей Землю битве, ежегодно свершающейся в этом пункте года, зависит от того, в какой степени сумела душа воспринять в летних высотах Мирового Мышления силу для борьбы, когда совместно с Михаилом странствовала там в продолжение “сновидческого” полугодия. Ведь в преддверии Третьей, Волевой четверти битва эта ведется за подлинно человеческое бытие на Земле, за сохранение присущего лишь человеку равновесия между “тем, что вверху, и тем, что внизу”. И его работа в косной земной материи обретет смысл и оправдание, лишь будучи пронизана светом Божественной Мудрости.

* * *

Интересно проследить, как переживается в душе сама субстанция времени, определяя характер нашей связи с мировой жизнью в соответствии с временным движением года.

Вот Первая четверть. Душевая жизнь человека интенсивно погружена во внешечувственные впечатления, *здесь и теперь*

блистающие и звучащие для нее извне. Это по преимуществу жизнь *в настоящем*.

Устремленный в будущее мотив предчувствия, как мы помним, начинает звучать лишь с середины этой четверти (7), нарастает в течение Второй и, достигнув высшей силы в самом начале Третьей, преобразуется здесь в один из духовных принципов человека – Надежду (27, 28, 29), которая по своей природе также обращена вперед, в *будущее*. В последних строках следующего сразу вслед за этим изречения уже прямо звучит несвойственная языку Календаря и потому невольно настораживающая – словно бы в соответствии с общей пробуждающей тональностью этого момента – грамматическая форма будущего глагольного времени (30).

Фактически же все светонисходящее полугодие протекает для души под знаком *будущего*. Календарь души особым образом дает знать об этом. Во многих относящихся к этому периоду изречениях настойчиво звучат указания на те духовные блага, которые душе еще только предстоит обрести, если она совершит требуемое от нее ходом времени. Это подчеркивает часто встречающийся здесь и практически отсутствующий в изречениях световосходящей половины года оборот с предлогом “чтобы” (*zu, dass* (15, 16, 17, 18, 22, 26, 32, 37, 39)). Это “zu” настойчиво, трижды в одном изречении, прозвучит еще и в самом начале Четвертой четверти (41) перед тем, как войдет в свои права сила памятования (44, 46, 49), присущая разворачивающемуся здесь в полную силу Я-сознанию человека. Лишь он один на Земле одарен способностью удерживать в себе образ *прошедшего*, служащий ему ориентиром во внутренней жизни и вразумлением для достижения достойного человека бытия.*

Последнее же, послерождественское (39) изречение предыдущей четверти ознаменовалось уже высвобождением из мощи мышления чувства самого себя (*Selbstgefühl*).

* Вспомним, что эта Четвертая четверть – четверть Любви. К тому, о чем гласят лаконичные, при всей их интенсивной смысловой наполненности, изречения этой части Календаря, множество раз обращался Рудольф Штейнер в своих лекциях и книгах. Вот лишь несколько его указаний, касающихся поразительной связи и многообразных соотношений начала Любви со способностью памятования, которые оба ведь присущи самосознающему человеческому существу, двигающемуся к свободе.

“Вообще вся наша жизнь должна отражаться как воспоминание. В существенном ведь то, что мы называем жизнью нашего “Я”, является отражением нашего воспоминания. ...Способности *воспоминания и любви* (подчеркнуто мною - А.К.) соответствуют две границы человеческой природы. За зоной воспоминания лежит подсознательное внутреннее человека; за зоной же, дающей способность любви, лежит духовно-душевное Универсума, то есть тоже бессознательное”. R.St. GA 183(18.VIII.1918).

“Способность к памяти, с одной стороны, выражается в эгоизме, но с другой – предрасполагает человека к свободе, ко всему, что делает его внутренне сильным и независимым”. GA 219 (17, XII. 1922).

К ПЕРЕЖИВАНИЮ ДУШОЙ СУБСТАНЦИИ ВРЕМЕНИ

Человек – центр Вселенной. Одно из значений этого положения состоит в том, что все свершающееся как в зримых, так и в сокровенных мирах неизбежно отражается в человеке, проецируется в его существо с любой макрокосмической “периферии” и действительно на него влияет, также как и любая собственная его мысль или поступок излучается вовне и находит своего адресата в мире ближнем и дальнем...

В одной из хасидских притч раби Нахмана (1800-е годы) для пояснения соотношений между вещественным и духовными мирами давался образ колеса с его ободом, спицами и осью. Ось – это та точка, где неизмеримые миры духа с непостижимой силой уплотнены в наш вещественный мир. И именно потому так тесно в нем все переплетено: добро и зло, радость и горе, наслаждение и страдание, справедливость и подлость, истина и заблуждение и т.д.

Но и сила любви, являющаяся на земле основой подлинной нравственности, зачастую побуждает человека именно к подлинно моральному действию, свободному поступку, выходящему за пределы обусловленности традицией, общественным мнением и т.п.

В критический и опасный час, отмечаемый Календарем (46), когда рожденное в лоне души “духовное дитя”, родственное самой мыслительной силе (38, 44, 45), подвергается внезапной опасности быть затопленным, оглушенным впечатлениями начавшегося световосходящего полугодия, – тогда лишь способность памятования может помочь удержать силу умозрения (*Schauen*). Интересно отметить, что здесь сила памяти фактически идентифицируется с силами воды, которая как раз и должна была выковыряться в предыдущей - михаэлической, Волевой - Третьей четверти. (Одно из значений нем. слова *SCHAUEN*: “*intuitiv erkennen, erfassen*” – интуитивно познавать, воспринимать, усваивать – в значении переходных глаголов, присущих возвышенному, приподнятому (*gehoben*) стилю (см. Duden. Das Bedeutungs-Wörterbuch, Band 10.1985). Можно не сомневаться, что именно как такой можно характеризовать стиль изречений Календаря. В упомянутом толковом немецком словаре приводятся и примеры такого употребления этого слова: “*Unendlichkeit, Gott schauen.*” – интуитивно созерцать, умозреть необъятность, Бога).

Удивительным образом обе способности, обе силы – памятования и любви – на высших ступенях духовного развития человека как бы сливаются в одну – способность созерцающего восприятия, наиболее соответствующую как раз максимальному нарастанию бодрствования жизни в Четвертой четверти: “Обычная способность воспоминания в сверхчувственном созерцании выключается; на ее место вступает непосредственное созерцание прошлого (в обратном духовном наблюдении). ... Обычная же способность любить связана с физическим организмом. В сверхчувственном переживании на ее место вступает одухотворенная сила любви, которая одного рода с силой восприятия” (оба раза подчеркнуто мною - А.К.) R.St. GA 35. S.402.

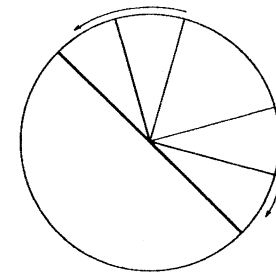
Да и в общепринятом значении этого слова, что есть интуиция, как не любовное проникновение в объект созерцания, буквальное с ним слияние, “отождествление”? А обычная наша память – разве уж и она чаще всего не образное внутреннее лицезрение, дарующее новую жизнь давно минувшему и, казалось, не имеющему уже никакого отношения к душе, либо – только что отгремевшему и не отпускающему её, заставляющему все вновь, даже и вопреки желанию, “видеть” случившееся, воспринимать его где-то на внутренней сцене души?

Возвыситься над этой стесненностью и хаосом человеку дано лишь на путях познания, которые, словно спицы колеса, тем ближе подводят к “правильному различению”, чем дальше сможет продвинуться по ним познающий в направлении духовно-мирового “обода”.

Следуя этому образу, мы также можем сказать, что человеческая душа, самой своей земной жизнью осознанно участвующая в жизни Макрокосма, тем самым выходит в своем осознающем усилии на некую духовную периферию, “обод” вселенского Колеса. А медитативное переживание своего местонахождения в определенном регионе годичного круга как раз и служит ей упомянутой “спицей”.

В то же время мы знаем из сообщений духовной науки, что еженощно весь временной путь минувшего дня душа особым образом проходит в обратном направлении, так что утром мы пробуждаемся в том же “пункте времени”, где находились утром предыдущего дня, и т.д., все вновь и вновь. Иначе говоря, от рождения до смерти мы ни на йоту не отдаляемся от изначальной точки своей, так сказать, вставленности в земную жизнь, ежедневно, однако, совершая из этой точки “вылазки”, для которых душа, собственно, и явилась в этот пространственно-временной мир.*

Дни складываются в недели, и мы видели, как хождение души по 52-м “спицам” года, выход ее по ним из своей замкнутости никак сам по

себе не отдаляет душу от ее сущностного ядра, как бы далеко ни продвигалась она навстречу Мировому Духу и насколько бы ни отстояли друг от друга “спицы” на временной периферии годичного круга. Тем более, что именно на самом максимальном удалении друг от друга они внезапно становятся одной и той же, “диаметральной спицей”, связывая собою через полугодие родственные переживания души в “противолежащих” неделях – “аналогах”.

* О существенной стороне этого ежесуточного ритма взаимоотношений человеческой души с духовными мирами говорил Рудольф Штайнер в одной из лекций для рабочих-строителей Первого Гёттанума:

“С утра до вечера, во время бодрствования мы стареем; а с вечера до утра, когда мы спим, становимся мы моложе... Так это постоянно и происходит, подобно движению часового маятника: стареть-молодеть, стареть-молодеть. ... но что-то от старения все время остается. Конечно, ночь поправляет дело, но от каждого дня остается немного от постарения. И когда эти остатки образуют в человеке достаточную сумму, он умирает”. (Лекция 07.05.1923, GA 349).

Итак, вновь душа приблизилась в своем годичном странствии к завершающей четверти года. Мы видели уже, какое из мировых Начал, что наполняют собой и инспирируют человеческие душевно-духовные начала и силы, наиболее определенно воплощается и действует здесь. К животворной Мировой Красоте Первой четверти (11, 12 и “предуказывающая” 52-я), к просвещающей Божественной Мудрости, Мировому Слову Второй (14, 17, 18) и к вливающимся в человеческую волю Мировым Силам Третьей (28, 29, 31, 32, 34) присоединяется теперь наполняющаяся теплом человеческого сердца Мировая Любовь (40, 41, 42, 43, 48).

Но это начало – особое. В отличие от Силы, Мудрости и Красоты Макрокосма, осеняющих существо человека извне, Любовь обретает на Земле реальное бытие, лишь если действительно исходит изначально из человеческого сердца, являясь его свободным импульсом к жертвенной самоотдаче миру.*

И в то же время именно эту четверть года, “четверть Любви” обрамляют оба великих Праздника, связанные с Существом, свершившим величайшую в земной истории Жертву, когда в бытие Земли впервые были привнесены как божественный дар истинная человеческая свобода и способность человека к чистой жертвенной любви.

И как отображение однажды осуществленного на Земле самим Христом Иисусом грандиозного акта богочеловеческой

* И опять здесь выступает полная глубочайшего внутреннего смысла соотношенность противолечащих четвертей–“аналогов”. *Мировому Разуму* Второй четверти противолечит, как мы видели, его “аналог” – укрепленный и раскрывающийся в Четвертой четверти *человеческий разум*. Лишь он может дать внутреннее обоснование и стать исходным пунктом подлинно самостоятельного, свободного жертвенного деяния – высшего проявления облагороженной и чистой любви в человеческой личной и социальной, общественной жизни. (Не случайно Леонардо да Винчи называл любовь “дочерью познания”).

Мы словно слышим здесь вновь голос “Философии Свободы”: “Говорят: сердце, душа вступают здесь в свои права. Без сомнения. Но сердце и душа не создают побудительных причин для деятельности. Они их предполагают и принимают в свою сферу. В моем сердце возникает сострадание, когда в моем сознании появляется представление о возбуждающем сострадание лице. Путь к сердцу проходит через голову. Не является исключением здесь и любовь. ...Также и здесь мысль является родительницей чувства”. (С.51-52 русского издания: Ерван, “Ной”, 1993. Подчеркнуто мною – А.К.).

Любви встает ежегодно в этом подвижном пункте года Праздник Пасхи.*

Календарь души Рудольфа Штейнера, вручая человеку путеводную нить для достойного продвижения сквозь превратности и колебания годичной жизни, освещает нам таинственную и глубокую истину “Сказки” Гёте – поистине, *Мудрость, Красота, Сила правят миром; время великих событий наступает, когда к ним присоединяется Любовь*.

* С момента этого центрального События в истории Земли Христос уже неотрывно с нею соединен и в огромной степени связан с самими ее годовыми природными ритмами.

Вот почему однажды на вопрос о том, каков наилучший путь для подготовки к восприятию (*Wahrnehmung*) эфирного Христа, Рудольф Штейнер ответил: “через медитативное участие в годовых ритмах, потому что для человека, который с помощью медитации ищет пути в сферу Христа, природа дарует мистерии года”. (Э.Бок. “Рудольф Штейнер. К изучению его жизни и деятельности”. Лекции 27.2 и 15.12.1949).

“Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя”.

Откровение Иоанна, 3з

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИСПЫТАНИЯ ДУШИ В ХОДЕ ГОДОБОРОТА

Импульсы души, духовные Начала и их Противоборазы • “Искушающие” недели • Необходимо противоборазство: в себе, здесь и теперь • Пассивность или бунт? • Предостережения Календаря — своевременная помощь • Софийная сила души против искушающей “антисушности” Противоборазов • Укрепляющее памятование и светоносное предчувствие • Истины поддерживают друг друга; истины поддерживают человека

В этом завершающем разделе наших рассмотрений представляется важным затронуть один из самых, пожалуй, таинственных аспектов Календаря души. В нем исключительно ярко выявлена природа этого творения Рудольфа Штейнера как объективного результата оккультных исследований. Никакое человеческое произведение, остающееся только художественным, литературным, поэтическим или философским фактом, посвященным коллизиям человеческой или же природной жизни, не в состоянии передать исчерпывающе весь драматизм самой этой жизни в ее реальности. Она ведь способна поставить человека перед такими задачами, загадками и опасностями, каких не мог бы измыслить никакой философ, художник или поэт с самой изощренной изобретательностью и фантазией...

Ранее мы лишь упомянули о выступлении в срединном, кульминационном пункте каждой четверти года навстречу душе некой опасности того, что мы тогда назвали *противоборазом* доминирующего в этот период импульса, которому следует упражняющаяся душа.* Это событие, четырежды в году постигающее душу, может предстать перед нами в особом свете,

* См. стр. 19 (в примечании), 22-24

если взглянуть на него, памятуя о поочередно правящих в годичной жизни четырех основополагающих духовно-душевных Началах, переживаемых и познаваемых упражняющейся душой. Календарь души со всей убедительностью свидетельствует: *не с чем иным, как с противоположами самих этих Начал мы и имеем здесь дело.*

Но что есть для души каждое из этих Начал, или Принципов, в определенный период года, как не самое высшее и чистое выявление того правомерного свойства, той способности души, которую она призвана в этот период обрести? Можно видеть, что выступившая внезапно опасность связана вполне определенно как раз с самим доминирующим процессом, настроением данного времени. Достаточно взглянуть на обе “искушающие” недели (46-ю и 7-ю) того полугодия, когда своевременной задачей души является преодоление личностного, выход из него, как и на другую такую же пару недель (20-ю и 33-ю) другого полугодия, в котором правомерным процессом оказывается как раз укрепление личностного в душе. Каждый раз душа в этот момент рискует либо как бы зайти слишком далеко, поддавшись, уступив без меры тенденции времени; либо же, напротив, может оказаться внезапно попросту вне этой тенденции. И мы видим здесь именно противоположи — то есть не что-то внешне чуждое, а потому и откровенно враждебное душе, но как раз наоборот, нечто ей присущее — собственное ее, но ставшее чрезмерным и уже выходящее из-под власти самой души и даже подчиняющее ее себе настроение, казалось бы, самое “правильное” для данного периода; либо же ее собственный, неожиданный для нее самой отказ следовать велению времени.

При этом выясняется, что изречения этих “искушающих” недель — седьмых, срединных в каждой четверти — настолько выпадают из обычного строя, что находятся даже и в совершенно иных взаимных соотношениях, нежели мы можем наблюдать на примерах любых пар всех других изречений Календаря — будь они “аналогами” или “антиподами”. Так, если все “обычные” изречения противоположащих четвертей (Первой и Третьей; Второй и Четвертой) совершенно определенно соотносятся как “аналоги”, то при сопоставлении также противоположащих “искушающих” недель последние оказываются самыми яркими “антиподами” в отношении грозящих тогда душе опасностей. Собственно, ведь и сами правомерно правящие в противоположащих четвертях — “аналогах” Начала, следуя общей закономерности, составляют соответственно как бы две родственные пары. Явна некая внутренняя родственность между началом Любви, осеняющим четверть укрепляющегося человеческого мышления (Четвертую), и Божественной Мудростью, Мировым Мышлением, оплодотворяющим человеческую душу в

Софийной (Второй) четверти. То же можно было бы сказать и о двух “меньших” добродетелях, представленных началами Надежды и Веры в других двух четвертях – “аналогах”. Их роднит то, что обе они всегда, как бы вопреки фактической и временной данности, обращены к чему-то за ее пределами – к тому, что не дано в непосредственном восприятии. Тогда как подлинно деятельная любовь и живое, активное, пронизанное софийной силой мышление всегда направлены именно на воспринимаемую нами Реальность – внешнюю или внутреннюю.

Так что и “противообразы” всех этих Начал являются таковыми уже и по их соотношениям между собою в отражающей движение года структуре Календаря.

Противоположные же опасные недели (то есть, находящиеся в соседствующих четвертях попарно 33-ю и 46-ю, 46-ю и 7-ю, 7-ю и 20-ю, 20-ю и 33-ю) вообще невозможно охарактеризовать однозначно как “аналоги” либо “антиподы”.

Однако, здесь необходимо более внимательно взглянуть в ту душевную ситуацию и в те взаимоотношения Макро- и Микрокосма, что описываются в изречениях этих недель. С одной стороны, во всех четырех изречениях красноречиво указывается на *данный, настоящий момент времени*. В изречениях световосходящего полугодия (46 и 7) это достигается словом “*теперь*” (нем. “*nun*”); в светонисходящем же полугодии в эти недели звучит наставляющее, конкретизирующее “*только так*” (нем. “*so erst*”), указывающее на задачу предыдущей недели (соответственно 19-й и 32-й). * Мы видим, что этим всюду здесь подчеркивается внезапность подступившей опасности, грозящей обратить во вред душе нарастающий в этот период природно-мировой либо душевно-личностный процесс. И лишь ясное, бодрствующее переживание и себя, и мира “здесь и сейчас” только и способно противостать угрозе. И это всегда угроза моему собственному существу – также и в том случае, когда испытывает утрату сам мир (33): ведь тогда не только он становится “пустой и замерзшей жизнью”, но неизбежно и сама душа, отказывающаяся или бессильная опереживать в себе мировую жизнь, “пустеет и замерзает” без творимого и творящего (*schaffend*) в ней мира.

И все же недаром Рудольф Штейнер говорил о ненужности педантичного следования, при работе с Календарем, каждый раз

* Не случайно это “so” входит в состав немецких временных наречий *sofort*, *sogleich*, *soeben* (*сейчас, сию минуту, тотчас, только что*) и союза *sobald* (*как только*). А чего стоят знаменитые *so!* и *also!* в повседневной разговорной речи немца, – как бы решительно подводящие черту подо всем, что только что имело место, и требовательно привлекающие наше внимание к тому, что вот теперь-то и есть самое главное!

твердо привязанному к данной неделе изречению. Известно его указание, что по меньшей мере три соседствующие изречения всегда связаны органически между собой. Так что мы видим: даже в эти опасные моменты при всей внезапности угрозы речь все-таки идет о процессе, тенденции, нарастающей в так или иначе обозначенный, пусть и совсем короткий, период. Также и здесь многое открывается из содержания недельных изречений, соседствующих с “искушающими”, Седьмыми: ни одно из этих последних не исчерпывает возникшей коллизии само по себе, взятое изолированно от соседствующих.

Вот что, в частности, можно увидеть, беря, во всей их конкретности, триады недель этих опасных срединных областей в каждой из четвертей.

Прежде всего и здесь явно нарушается обычный характер соотношения изречений разных четвертей. Так, явными взаимными “аналогами” оказываются находящиеся в одном полугодии, и стало быть, в смежных четвертях 20-е и 33-е изречения, также как 46-е и 7-е – в отличие от любых других так же взаимно расположенных изречений Календаря. И это касается не только, и даже не столько главного смысла каждого из них, сколько характера живой связи, можно даже сказать – взаимодействия соседствующих изречений. Так, и 20-е, и 33-е изречения полностью посвящены констатации, описанию подступившей к душе опасности. И лишь в следующих за ними (соответственно, 21-м и 34-м) описывается, в чем состоит возможное исправление, выравнивание, уравнивание возникшей односторонности – “спасение”, одним словом. 19-е же и 32-е можно было бы назвать *упреждающими*; они как бы дают возможность смягчить грозящий душе удар, указывая – каждое в своих первых строках – способ для этого.

Несколько иначе обстоит дело с парой Седьмых изречений другого полугодия. Лишь в первых двух строках 46-го и 7-го изречений описывается грозящая опасность, а затем сразу же – способ “спасения”. В начале же последующих – 47-го и 8-го – опасная тенденция хотя еще существует, но она уже преображена. Во второй же их части углубляется, разъясняется способ выравнивания, уже указанный в самих Седьмых. Предшествующие же 6-е и 45-е полностью посвящены способу, характеру упреждающего уравнивания.

Что же касается упомянутого отношения только что приведенных недель друг к другу как “аналогов” (46-7 и 20-33), сразу можно заметить, что это справедливо лишь в отношении характера опасности, о коей они гласят. Указываемый же ими самими, либо стоящими рядом изречениями способ уравнивания, “спасения” делает их в то же самое время прямыми антиподами!

Если же эти недели-“противообразы” взять в ином сочетании: 33-46; 7-20, то и тогда они не подчиняются общей закономерности “противоположных” изречений Календаря. Будучи здесь “антиподами” в характере грозящей душе опасности, они – “аналоги” в способе “спасения”.

Однако, можно видеть, что и здесь, как и в общем строе Календаря души, неукоснительная внутренняя закономерность, выверенная точным исследованием, оборачивается совершенной композицией, отвечающей той гармонии взаимоотношений Макро- и Микрокосма, путь к которой каждым из своих изречений указывает Календарь:

Иоаннов День

Седьмая неделя

В чрезмерно бурном сопереживании Мировому Свету будучи им увлекательно за собой, мое Я грозит покинуть личностные пределы; во внешнем блеске чувственного мира склонно утратить себя человеческое мышление. “Спасение” – в прямо обозначенном здесь **предчувствии**, заменяющем собой силу мышления. Оно воссоздает во мне то, что обычно делает мышление, обеспечивающее мое “присутствие в себе” и связывающее меня с миром правильным образом, когда ни мир, ни мое Я не доминируют.

Пасха

Сорок шестая неделя

Стремящаяся слиться с Мировым ставовлением (45), душа может им быть оглушена в восприятиях и своем мышлении, вовремя не овладев новыми впечатлениями чувств, не охватив их этим мышлением (44), которое она как раз призвана здесь укреплять. И “спасение” здесь именно в укреплении видения, умозрения (*Schauen*) силой **памятования**.*

Рождество

Двадцатая неделя

Мое существо может отвернуться от Мирового Бытия и, полагаясь лишь на себя, угасать, умерщвлять себя этим. “Спасение” (указываемое в стоящем сразу затем 21-м изречении) – в интенсивной отдаче себя внешней благой силе Макрокосма. Нужно воспринять ее, дать ей в себе место. Тогда она может даровать, вручить мне меня самого с помощью наполненного в это время Мировым Светом **предчувствия**.

День Михаила

Тридцать третья неделя

Мир угрожает быть покинутым сопереживанием человеческой души. “Спасение”, указываемое в идущем следом 34-м изречении, – это спасение, сохранение и воскрешение в душе прошлых впечатлений от мира, превращение их во внутреннее достоинство души, наряду с сохраняемым в душевных глубинах светом Мирового Духа, несомым из летнего времени. Что это, как не **памятование**! В то же время, хотя главное содержание памяти – впечатления от внешнего мира, она же сохраняет преемственную целостность самого человеческого сознания во времени, тем самым возвращая меня самому миру, “впечатывая” (*prägen*) меня в него со спасительным для него моим сопереживанием.

ЛИЧНОСТНОГО

ПРЕОДОЛЕНИЕ

УКРЕПЛЕНИЕ

ЛИЧНОСТНОГО

* О значениях слова *Schauen* см. примечание на стр. 42. Умозрение – как и вообще познание всего воспринимаемого, внешне и внутренне созерцаемого – находится в особой сущностной связи с силой **памятования**. Это знал Платон, когда говорил, что познание как таковое есть не что иное, как **Припоминание** душою того, что она хранит в своих глубинах с тех пор, как еще до рождения в этот мир она имела свой опыт в мире идей.

У Рудольфа Штейнера же есть удивительная группа из пяти медитативных изречений, данных им в ходе лекции 7 марта 1914 года в Пфорцхайме (GA 152). Сквозь них, начиная с “*Urbeginne*” Пролога к Евангелию от Иоанна, словно изливается насыщающий все мышление человеческого “Я” свет Логоса. И этот свет все вновь возвращает нас к Великому Пра-Началу всего – туда, где коренится и сила нашего **памятования**, которое ныне вновь должно пронизать себя Божественным, Христовым началом. (Текст этих изречений помещен здесь как примечание на стр. 73-76).

Все это многообразие возможных соотношений “искушающих” недель вытекает, в общем-то, из одного простого факта: характер опасностей, грозящих душе сначала в световосходящем, а затем в светонисходящем полугодиях прямо противоположен. В одном случае (46-7) душе грозит излишнее до крайности, более или менее безынициативное следование настроению времени – вместо подлинного, исключаящего пассивность, преодоления личностного. В светонисходящем же полугодии (20-33) душа может поддаться искушению воспротивиться, отказаться следовать правомерной задаче этого периода года, подменив этим “бунтом” открывающуюся теперь возможность подлинного укрепления личностного. Эти искажения истинной задачи души в обоих случаях подчеркиваются в изречениях этих недель даже и чисто семантически. Так, вопреки смирению, которое должно естественно сопутствовать преодолению личностного в световосходящем полугодии, оба его Седьмых изречения завершаются неуместным здесь решительным, самоутверждающим “может” (*kann*-46) или “хочет” (*will*-7). И напротив, предположительное и как бы робкое, отчасти уклончивое “должно бы было” (*müßte*-20) и “мог бы” (*könnte*-33), также завершающие другую пару Седьмых, явственно диссонируют с задачей души в светонисходящем полугодии – **активным**, в чем-то даже **дерзновенным** укреплением личностного в себе.

Из этой-то прямой противоположности характера грозящих душе в каждом из полугодий опасностей и вытекает отмеченный нами характер отношения друг к другу противолежащих Седьмых недель в качестве “антиподов” – как в опасности, так и в “спасении”, указываемых ими. Тогда как противолежащие “обычные” недели всегда – “аналоги”. Ведь обе эти пары – 46-я с 7-ой и 20-я с 33-ей – лежат каждая в качественно противоположном полугодии, что и делает все содержащееся в каждой паре родственным в чем-то главном.

*

И все же, так ли уж внезапно предстает в середине каждой четверти угрожающий душе “противообраз”? – Нет, сама структура Календаря души, при внимательном вживании в нее, дает душе возможность **заблаговременно** подготовиться к опасному моменту. Мы отмечали ранее своевременную поддержку “упреждающего” изречения, подсказывающего душе способ “спасения” уже накануне вступления души в зону опасности.

Но мы можем теперь вспомнить также важный момент, когда в 28-м изречении парадоксальным и предостерегающим

образом выступает вдруг противоположностью самой Надежды. Это происходит за пять недель до настоящего его "нападения" в 33-ю неделю Третьей четверти.*

Отдавая отчет в неукоснительной закономерности описываемых Календарем взаимоотношений Макро- и Микро-косма, можно предположить, что нечто подобное должно иметь место в этих пунктах и в других временных регионах года. Тем более, что каждый такой пункт – это порог, врата в новую четверть, с новыми ее возможностями и с новыми опасностями. Так оно и оказывается. И при этом обнаруживается, что предостережение в этот момент гласит вполне определенно на протяжении целых двух недель, начиная именно с самой первой в наступившей четверти! Так, "парализующая крылья" (*die Schwingen lähmt*) закономерному стремлению души эта иллюзорная, не основанная на мировых реалиях надежда 28-го изречения – искаженное, гипертрофированное продолжение того томления, той тоски (*Sehnen*), что влекла ее накануне, на пороге четверти (27), в глубины собственного существа, наполненные софийным богатством, обретенным в предшествовавшей четверти. Душа как раз и склонна в это время отвернуться от реалий внешнего, макрокосмического мира, а тем самым и от главной своей задачи в Третьей четверти, "почувствовав собственного существа дали", – но забыв, отражением *каких* Далеко в ней они в действительности являются. Во всей силе эта тенденция души проявится не так скоро (33), но она уже теперь вполне явно показана упражняющейся душе.

Посмотрим на аналогичный пункт времени следующей в годичном движении четверти – Четвертой. Силам деятельной, реалистичной Надежды и Любви, уже рожденным и раскрывшимся к этому времени в душе, пока еще не угрожает полное оглушение их нахлынувшими впечатлениями внешнечувственного мира (как это станет возможным в 46-ю неделю), но душа уже призывается защитить, правильно и ясно оформить, образовать себя через реальные, исполненные любви деяния в мире (41), вместо того, чтобы упиваться пустой иллюзией (*Wahn*-40) своей отдельности, самодостаточности, могущей возникнуть из переживаний только что пройденной Волевой четверти, четверти Надежды.**

А вот первая и вторая послепасхальные недели. Задолго до грозящей Я-началу (*Selbst*-7) возможности ускользнуть (*entfliehen*) от души, мы видим, как обретенная в Четвертой четверти мощь мысли может уже теперь утратить свое единичное, самостоятельное

* Этот момент подробнее освещен в Приложении к 1-му изданию "Года души" (1998 г.), с. 91-92. Соответствующий фрагмент приводим здесь как примечание в конце книги.

** Интересно разъяснение смысла слова *Wahn* в немецком Большом толковом словаре ("Langenscheidt" – Deutsch als Fremdsprache, 1994. S.1094): это "нереалистичное, часто болезненное представление или таковая же надежда".

бытие, увлекаемая пестрым весенним богатством мира внешних чувств. Мысли вообще могут покинуть личностные оболочки (*Selbstheit Hülle*), и тогда уделом души останется лишь некая глухая, смутная (*dumpf*) связь ее с общим, всеобъемлющим бытием мировой духовности – в противоположность только что достигнутой мощной связи человека с самим Существом Духа (52).

И наконец, подкравшийся в разгар лета и оглушающий меня, похищающий мое Я сон мысли в сочетании с общей смутностью жизни чувственных восприятий этого времени (14, 15) – что это, как не прямое предвестие самоугашения, умерщвления себя самого, грозящего постигнуть меня в грядущей середине этой, Второй четверти...

Можно заметить, как во всех изречениях этих "предостерегающих" недель сквозит как бы зашедшая слишком далеко и ставшая теперь уже неправомерной тенденция только что пройденной четверти. Это и есть "противообраз" уже покинутой душой четверти, запоздало стремящийся вернуть душу к его безуспешным искушениям и одновременно пытающийся переложить это неудавшееся дело на плечи своего "собрата" в новой, встречающей теперь душу, четверти.

*

Автор должен признаться, что хотя рассмотрение всего годичного содержания Календаря души в свете пронизывающих совместную жизнь Макро- и Микрокосма начал Веры, Любви, Надежды и Софии неизменно высвечивало и связывало в стройную цепь множество разрозненных и поначалу трудно осмысляемых свойств единого потока душевной и природной жизни, – наряду с этим сущность *самых* этих Начал, как она обнаруживает себя в общей ткани изречений Календаря, ощущалась как что-то гораздо менее подвластное словесному описанию, а может быть, даже и как некая заповедная область, вступать в которую должно лишь наедине с собой и... с Календарем. Читатель мог это почувствовать. Ведь *качественное действие* этих Начал одного за другим во внутреннем душе было лишь упомянуто.*

* Здесь можно напомнить о возможности ближе подойти к внутренней сути этих Начал и их оккультной подоснове в книгах и лекциях Рудольфа Штейнера, как и в затрагивающих эту тему работах антропософских авторов. В частности, автор мог бы рекомендовать, как наиболее ему знакомые в силу изначального их написания на русском языке, глубокие исследования Сергея Прокофьева: "Кругооборот года как путь посвящения...". Ереван, 1994 (нем.издание: Stuttgart, 1994), "Двенадцать священных ночей и духовные Испрахи". Ереван, 1993 (нем. издание: Dornach, 1992),

Предпринимаемая же далее в Приложении попытка ближе подойти к переживанию, истолкованию и реализации их в человеческой культурной, религиозной и даже повседневной жизни должна была бы лишь настроить на более сосредоточенное и чуткое их лицезрение в самом Календаре души.

Думается, того же требует правильное отношение и к “противообразам” этих Начал, или Принципов. В сущности, до сих пор они и были здесь представлены, можно сказать, лишь внешне, – со стороны особого характера “нападения” каждого из них и указываемых Календарем способов своевременного им противостояния.

К сказанному следует добавить, что автор и вообще не хотел бы дать возникнуть впечатлению некоего чрезвычайного, якобы, своего проникновения в подобного рода “последние истины” и умалчивания о них лишь по приведенной выше причине. Как раз другой такой причиной тому является наличие у самого автора достаточного числа вполне определенных неразрешенных вопросов – при абсолютной недостаточности усилий к их разрешению – в отношении как самих этих Принципов, так и “противообразов” их.

Так что и теперь возможно лишь совсем кратко коснуться того, в чем же и как существо занимающих нас здесь “противообразов” выражает обратную сторону, или “анти-сущность” четырех основополагающих Принципов жизни души. Сделаем это в естественном направлении годичного продвижения души и с сознанием того, что многое, конечно, лишь повторит ранее найденное на этом пути.

Начнем с волевой четверти – четверти Надежды. Все говорит здесь о той иллюзии самодостаточности, возможности “обойтись без всех и всего”, которая может возникнуть как раз из ощущения укрепляющейся в это время собственной волевой жизни души. “Противообраз” Надежды побуждает ее замкнуться в горделивом переживании собственной полноты, полагаясь, “надеясь” только на себя. На деле же это как раз тот *пассивный аспект* надежды, о котором говорит пословица: “надеяться и терпеть рождает лишь грехи”, – отсутствие активного вмешательства в дела мира, действительного сопереживания. Уравновесить, нейтрализовать этот настрой способна почерпнутая в предшествовавшей четверти

а также “Небесная София и земная Антропософия”. М., 1995 (нем. изд.: Dogmash, 1994). В первом из них рассматриваются вера, любовь и надежда как вырабатываемые человечеством христианские добродетели, а также – фактически не затронутая нами тема самих основных христианских Праздников года, хотя они-то и служат четырьмя главными всходами, определяющими всю структуру Календаря души. Названия двух других работ говорят сами за себя.

софийная сила, наполняя посредством памятования душу летними впечатлениями природной и ее собственной жизни. Она дает способность человеку выйти навстречу большому миру – объекту и источнику подлинной Надежды, – воссоздать его в себе, активно участвовать в общечеловеческой работе по его действительному и позитивному преобразованию; стать подлинным Микрокосмом, а не отвергающим Макрокосм, отделяющимся от него маленьким и замкнутым в себе комком эгоистического себялюбия.

Так, открывая себя для дел мира душа вступает в четверть Любви; а это, как не однажды уже возвещал нам Календарь души, – также четверть укрепляющейся с и л ы м ы ш л е н и я, обретения ею ясности, вооружения ее Божественными силами. “Противообраз” Любви – самое настоящее вожделение к прельщениям (*Reize*) внешних чувств – склоняет душу слиться в радостном порыве с “пьянящим, разрастающимся (вокруг) Мировым становлением” (44, 45), грозящим заглушить, загасить зажженную в темных глубинах зимы искру того душевного огня (43), которому как раз теперь надлежит превратиться в освещающий, просвещающий “смутные прельщения чувств” свет мышления (45). Удержаться от этого вновь помогает способность, сила памятования. Она призвана укрепить видение, умозрение, опирающееся на волю, выработанную душой в предыдущей четверти, когда в ее лоне действовало, словно расколдовывающая и себя и ее, святое дитя Духа, “небесный плод Надежды” (38), зачатый еще в летнее время в сердце человека святым Мировым Словом, Мировым Разумом, Логосом; и это залог также и будущей победы души над “противообразом” Первой четверти. Лишь обладая этим наследием Мирового Слова, Тепла, Света, может душа теперь достойным образом подойти к завершающему эту Четвертую четверть празднику высочайшей жертвенной Любви.

И вот уже душа на пороге четверти Веры – времени расцветающей ж и з н и ч у в с т в. Эта-то сторона жизни души и подвергается теперь нападению искушающего начала Первой четверти – “противообраза” Веры. Он будет пытаться соблазнить душу мировым светом, принадлежащим вовсе не ему, а творящим Богам, светом, который плодотворно тклет в самом пространстве расцветающего чувственного мира – поля созидательной деятельности этих Богов (5). Душе ведь надлежит ныне сознательно и жертвенно отдалиться Божественному Существо, стремящемуся с нею соединиться в творческом космическом браке (8); при этом утратить себя в этом мировом свете означает для души одновременно – обрести себя в Мировом Я (11), то есть, преодолев границы субъективного человеческого рассудка и эгоцентричного личностного своего характера, жертвенно и с высочайшим *доверием* предаться свету Мирового Разума, Логоса, насыщающего собой как

чувственный мир, так и внутренний мир души, готовящего их обоих к грядущей в следующей четверти встрече с самой Божественной Мудростью – Софией.

Вместо всего этого, искуситель, пытаясь использовать настроение времени, побуждает человеческое Я выскользнуть из душевных оболочек, в опьяняющем и безоглядном доверии – (это и есть противоположность Веры, как бы обретшей ложный вектор) – отдаться всего лишь блещущей иллюзии внешнечувственного мира, не видя отображающегося в нем повсюду Божественного праяобраза (6). “Спасение”, указываемое здесь Календарем, это – предчувствие грядущего обретения душою софийной силы – способности воспринять живущий за покровом иллюзии чувств подлинный Свет, Логос, взамен сегодняшнего иллюзорного блеска. Это предчувствие души, отдающейся теперь, вопреки искушению, истинному мировому Свету, может питаться подлинной верой в неотвратимость предстоящего ее оплодотворения Божественными дарами этого Света (16), зачатия им в ее лоне самого Мирового Слова (18, 21) в следующей, Софийной четверти.

Позднее человек, все интенсивнее переживая обретение вновь себя самого (21), чувствуя себя как бы самим тем Духом, одеянием которому призвана теперь начать служить его душа, может даже ощутить, будто Свет мировых далей и Мировое Слово стали полностью собственным достоянием его “расширившейся души” (18, 22). И тогда он может поддаться искушению “полагаться лишь на собственную основу” (20) и забыть, что это сама софийная основа Мирового Бытия, в лице благих его Властей, в каждое мгновение его жизни поддерживает, не дает погаснуть божественной искорке в его душе. “Светоносное предчувствие” здесь (21), как и в предшествовавшей четверти – правильная путеводная и спасительная звезда для души. Ведомая ею душа начинает все более определенно переживать в себе укрепление, созревание силы ее собственного Я-начала. Само же предчувствие постепенно преодолевает в дальнейшем свою неоформленность и смутность, приобретая все большую достоверность и преобразуясь к началу следующей затем Третьей четверти в один из высших духовно-душевных Принципов (27, 29).

Остается лишь отметить вместе с читателем еще раз выявившееся в этом последнем кратком обзоре постоянное, можно сказать, сквозное присутствие Софийного Начала в драматических взаимоотношениях Макрокосма с человеческой душой на протяжении и всех трех предшествующих четвертей года – всегда в качестве некоего очищающего элемента, наполняющего высшим смыслом и целительным, искупающим светом всю атмосферу данного времени. Это и не могло бы быть иначе. Ведь, как мы

знаем, даже сами памятование и предчувствие – эти органы взаимодействия души с природно-духовной, макрокосмической жизнью года, обращены всегда совершенно определенно к пронизанной летним солнцем Второй четверти, где душе открывается лик самой Духовной, Божественной Мудрости – Софии.*

Душе ведь надлежит уподобиться Ей, восприяв здесь в свое сокровенное лоно дар Мирового Света, Мирового Смысла, Логоса и внося его позднее в зимнюю мировую ночь, в самых глубинах которой предстоит родиться “из божественной основы человеческого существа” и затем “расти в мировые дали” (38) этому Дитяти Духа – высшему плоду духовного брака Мирового Духа и человеческой души.

Также и правящие в другие моменты Мирового года сами начала Веры, Любви и Надежды, словно три дочери Софии, лишь оставаясь в родственной с нею связанности, остаются и самими собой – не оборачиваясь собственными противоположностями...

Не раз настаивая на том, что духовнонаучные истины, как и всё вообще в области познания, вовсе не требуют принятия их на веру, полагаясь, может быть, лишь на авторитет духовного исследователя, и говоря о возможных критериях критической “проверки” в этом смысле, Рудольф Штейнер приводил образ звездного неба, где мириады светил, следуя недоступным, казалось бы, для невооруженного специальными знаниями и инструментами рассудка, а значит и недоказанным или даже несуществующим для него законам, – тем не менее еженощно и в течение неизмеримых времен неукоснительно пребывают в устойчивой взаимосвязи, красноречиво “поддерживая друг друга”. Так должны поддерживать друг друга и настоящие, выражающие реальность истины. Этот поучительный образ вспоминается, когда видишь, как удивительно проясняется и углубляется понимание того, что происходит в ходе описываемого Календарем душевно-космического года, при обращении к прямым сообщениям оккультного порядка, также связанным с годичным кругооборотом.

* Эту особенность можно проследить в рассмотренных Первой части.

Достаточно привести здесь один пример. Ранее* нами упоминалась одна схема, дававшаяся Рудольфом Штейнером в ходе небольшого цикла лекций о кругообороте года. На нее в свое время, уже после возникновения этих заметок о Календаре души, обратил внимание один из тех друзей, без участия и помощи которых не смог бы появиться их немецкий перевод. Это пояснение к лекции, читавшейся 8 апреля 1923 года [GA 223]. Если читатель возьмет в руки этот цикл лекций, он увидит, как могут истины поддерживать друг друга. Отмеченная на схеме (стр. 76 дорнахского издания 1980 года) Духовная Мудрость, по словам Рудольфа Штейнера, осеняла человека с небесных высот уже в те древние времена, когда Я-начало не стало еще *собственным* внутренним его достоянием. Тогда оно, оставаясь до времени в лоне этой Небесной Мудрости, единым с Нею, лишь в вершине лета гласило к человеку. Он осознавал свою связь с Небом и ощущал, что оно сохраняло для будущего это Я-начало в своих высотах, являя его людям лишь в это время, когда “открывалось большое небесное окно”. И люди тогда должны были просить Богов об этом благодеянии. Но и сегодня для человека, если он этого хочет, в летнее время выступает из ткущей в пространстве природы объективно-духовное, так что тогда можно получить чувство: “там повсюду ткущий Разум” (нем. *Intelligenz*).* *

И когда человек получал направляющие его жизнь священные изречения в древних до-греческих Мистериях, изречение этого времени гласило: “ВОСПРИМИ СВЕТ”. Рудольф Штейнер пояснил, что под светом понималась при этом Духовная Мудрость – то, “внутри чего сияло собственное Я человека”. Тогда ощущали: лето приходит, чтобы привести человека в связь с Мировым Духом.

В этих сообщениях Рудольфа Штейнера выступает далее важный элемент Софийного начала: через него осуществляется “духовно-божественно-моральное откровение Космоса в человеке”; последний именно в это летнее время получает моральный импульс как таковой – как это можно видеть на упомянутой схеме. И тут же на схеме, в области правящей Духовной Мудрости стоит: “н а и т и е” (или “озарение” – нем. *Eggleuchtung*). Не понижающее ли это собою все это время – с середины Первой четверти (7) и вплоть до начала Третьей (27) – так хорошо знакомое нам *п р е д ч у в с т в и е* Календаря души! Далее в этой лекции говорится, что позднее, на исходе лета в Михаэлево время, человек призван переходить от этого ведшего его через Софийную четверть и озарявшего его свыше наития – к настоящему, самостоятельному познанию. И это познание должно быть направлено на внешне-

* См. примечание на стр. 35.

** См. лекцию 12.10.1923, GA 229.

воспринимаемый, природный мир, где человек теперь бодрственно и в ясном сознании должен действовать: на схеме в этом месте мы видим: “познание” и “познание природы”.

В другом месте этого же цикла лекций Рудольф Штейнер говорит о празднике Дня Михаила как о празднике “освобождения от боязни”, празднике внутренней инициативы и внутренней силы. В человеке теперь должно возрасть все то, что развивается вопреки тяге к удобству, вопреки боязливости, как свободная, инициативная, смелая и сильная воля. Праздник Михаила – это праздник крепкой воли. Вспомним, как все содержание изречений Календаря этого времени побудило нас назвать открываемую Днем Михаила четверть – *В о л е в о й*. А это, ведь, один из тех праздников года, что должны стать для нас “узловыми пунктами года, где мы соединяемся с Духом Вселенной” (GA 54, десятая лекция. Берлин 1905-1906).

Именно вследствие этого соединения с Мировым Духом, Логосом Вселенной все более начинает проявлять себя солнечная природа самой человеческой души. Летняя наполненность внешними впечатлениями теперь преобразуется в собственную софийную ее полноту. Ясность воспринятого извне света становится собственной плодотворной солнечной силой души, работающей над своей жизненной судьбой (28, 32). Потому-то именно здесь Календарь так настойчиво гласит о том, как жизненно необходимо миру освещающее и согревающее его сопереживание человеческой души, воссоздание ею в себе самой этого мира. Без этого его уделом стала бы ледяная опустошенность и смерть (33).

Уже здесь, в этой Волевой четверти - в самом начале Бодрственного полугодия, когда убывание внешнего солнечного света становится заметнее в природе, душа в своих внешних жизненных деяниях (34) дарует миру этот все более недостающий ему свет. Микрокосм теперь как бы берет на себя солнечную работу Мирового Духа. Все изменчивые, колеблющиеся, подверженные упомянутой Рудольфом Штейнером “боязни” чувствования, связывающие душу с миром, начинают преобразоваться, прони-зываются уверенностью, сопутствующей постижению душою в себе самой этого ее собственного солнечного света (30).

Позднее, когда прошедшая сквозь зимние глубины – с присущими им собственными искушениями и опасностями – душа приблизится к весеннему времени, там, на исходе Четвертой четверти в человеке должен будет произойти окончательный поворот от внешнего познания природного мира к постижению собственной человеческой природы. В древних Мистериях он и получал в это время из рук мудрых Водителей изречение: “ПОЗНАЙ СЕБЯ САМОГО”. Мы видим на упоминавшейся схеме Р.Штейнера к

лекции 8 апреля 1923 года, к чему должно вести это самопознание: это пока я н и е (нем. Busse). С какою же наивнутреннейшей человеческой способностью прямо связано это, быть может, самое известное и действенное средство духовного самоочищения и самосовершенствования, как не с п а м я т о в а н и е м, мотив которого так часто звучит в изречениях Календаря души именно в это время (44, 46, 49,3)!

*

Да, “поддерживающие друг друга” истины всегда давались в помощь и укрепление людям духовными Водителями. Некоторые из них, звучавшие некогда в местах древних Мистерий, были сейчас приведены. Но и сегодня человечество имеет такие речения истины. И они, конечно, как и прежде, обращены к человеку, который всем своим трехчленным существом, можно сказать, родственно включен в гармонически-ритмическую структуру годичной жизни.

Но сегодняшний человек наделен уже даром самому свободно прорабатываться к правильному, и с т и н н о м у бытию в своем волящем, чувствующем, мыслящем существе, самому определять характер и степень своей связанности с временной закономерностью макрокосмического года. И в этих критических пунктах года, когда вплотную подступают к душе, оглушая и понуждая ее забыть самое себя, противоположностью самих проны-зывающих всю человеческую жизнь высоких и истинных духовно-душевных Начал, когда велика опасность искажения истинного жизнепроявления души в ее волениях, чувствованиях и помы-шлениях, может сегодня человек обратиться к одному из самых действенных, всеобъемлющих и ответственных речений, что между двумя величайшими катастрофами нашего столетия были дарованы нам христианским Посвященным современности.

Пусть же в завершающей части наших рассмотрений прозвучит оно, — прозвучит каждой из своих наполненных сокровенным смыслом четырех частей как ответ человеческой душе, вопрошающей в эти опасные моменты о себе, о мире и о правильном, истинном своем пути в нем:*

* Приводимая далее медитация Камня Основы была дана Рудольфом Штейнером на Рождественском Собрании Всеобщего Антропософского общества в Дорнахе в декабре 1923 года.

Редакция перевода выполнена по изданию: R.Steiner. Wahrspruchworte. Dornach, 1981. S.181-185, GA 40.

Душа человека!

Ты живешь в телесности членах,

Что несут тебя через мир пространства

В существо моря Духа:

Упражняйся в п а м я т о в а н и и о Д у х е

В душевных глубинах,

Где в правящем бытии Создателя миров

(Твое) собственное Я

В Божественном Я пребывает;

И ты будешь истинно ж и т ь

В мировом существе человека.

Ибо правит Дух-Отец в высях,

В глубинах мира бытие порождая:

Вы, Духи Сил,

Дайте из высей прозвучать тому,

Что обретет свое эхо в глубинах;

Оно гласит:

Из Божественного ведет существование человечество.

Это слышат Духи на Востоке, Западе, Севере, Юге:

Да услышат это люди.

На Рубеже Времени
Вступил Свет Мирового Духа
В поток земного бытия;
Ночи тьма
Была преодолена;
Ясный дневной свет
Воссиял в человеческих душах;
Свет,
что согревает сердца бедных пастухов;
Свет,
что просветляет чело мудрых царей –

Божественный свет,
Христос – Солнце,
Согрей наши сердца;
Просвети наш разум;
Чтобы благом стало то,
Что мы хотим основать из глубины сердца,
Что мы целеустремленно хотим провести,
Исходя из (нашего) разума.

Позволим также и действенным истинам, обретшим форму двенадцатью годами раньше и данным этим Посвященным в Антропософском Календаре души, напомнить здесь о себе – рядом с краугольным для нашего времени Речением Истины. Ведь каждый из четырех членов медитации Камня Основы буквально отвечает главной задаче, стоящей перед душой человека в одном из четырех отраженных в Календаре и составляющих весь годооборот периодов:

ИСТИННО ЖИТЬ, деятельно выполняя свое назначение в этом мире и проходя через Волевою четверть, где собственная плодотворная мощь души, способная оживлять в своем сокровенном внутреннем, воскрешать в нем сохраненное из прошлого достояние (32, 33, 34), должна преобразиться в подлинное ПАМЯТОВАНИЕ О ДУХЕ;

ИСТИННО ЧУВСТВОВАТЬ, проходя через четверть Чувствований, где вопреки опасности для человеческого Я выскользнуть из своих душевных оболочек и раствориться в увлекающем его сиянии мира внешних чувств, смутное спасительное предчувствие грядущего соединения с Мировым Духом (7, 9, 10 13) должно стать непосредственным и действительным его осознанием – ПОМЫСЛОМ О ДУХЕ, позволяющим душе “прийти в себя”, “опомниться”;

ИСТИННО МЫСЛИТЬ в четверти Мышления, где оглушающие душу новые впечатления “хаотического разрастания мирового становления” лишь тогда будут охвачены и преодолены видением, умозрением (*Schauen*, – 44, 46), если оно обретет покой и свет истинного УЗРЕНИЯ ДУХА;

и в Софийное время лета *ИСТИННО НАПИТАТЬ, ПРОНИЗАТЬ, СОГРЕТЬ И ПРОСВЕТИТЬ В СЮ ЖИЗНЬ ДУШИ* – ее чувствование, мышление и ее целеустремленное, действующее во благо воление – звучанием Мирового Слова, теплом и светом Мирового Духа (12, 17, 18, 21, 22, 25), ибо все это есть Сам БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ, ХРИСТОС-СОЛНЦЕ.* *

* См. значения нем. “*Besinnen*”.

** Удивительным образом особой задаче души в софийной четверти года созвучен завершающий член медитации Камня Основы. Если в каждом из предыдущих призыв действовать обращен поочередно то к самой человеческой душе, то к благим макрокосмическим Духам, здесь обе части гласят о наполняющем душу Свете Макрокосма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек способен познавать мир как взаимосвязанное и осмысленное целое благодаря своему духу, обуславливающему собственную индивидуальную неповторимость человеческого существа – то есть как раз его уникальную целостность. Иначе говоря, лишь целостность, внутренняя самодостаточность Микрокосма позволяет ему отразить в себе, воспринять в себя целостность макрокосмического природного мира. Само время не властно раздробить, прервать где-то эту целостность. “Все процессы, происходящие в человеческой душе, в Космосе или, скажем, в отдельном растении в течение года, образуют во временной последовательности некое органическое целое, хотя раскрываются нам как отдельные явления. ... Человеческая жизнь – целое. Это организм во времени”. Из этих слов Рудольфа Штейнера (GA 219, 29.12.1922) можно еще раз почерпнуть убеждение в полной несостоятельности тривиально-механистического “причинно-следственного” подхода к историческому процессу, игнорирующего изначальную его органическую целостность.

Но Макрокосм раскрывает именно в элементе времени, в частности в смене времен года природного мира, то, что человеческое существо в силу дарованной ему свободы может изживать как различные свои аспекты вне времени, вернее, не будучи рабски зависимым от его ритмической, циклической природы. Например, укрепление личностного и преодоление его вовсе не обязательно увязываются в жизни человека с временным элементом и далеко не всегда протекают строго последовательно, сменяя друг друга. Жизнь каждого из нас показывает, что процессы эти вполне могут идти и рука об руку, наполняя в живых ритмах каждодневную душевную жизнь на протяжении всего жизненного пути.

В определенной мере это справедливо и в отношении целостного организма самого годового оборота, являвшегося для нас в этих рассматриваемых зримым воплощением реальных взаимоотношений Макро- и Микрокосма. И как невозможно и не нужно было бы пытаться однозначно и педантично привязывать отдельные члены душевной конституции человека к “соответствующим” им телесным органам, к его системе обмена веществ, ритмической или нервно-чувственной системе, – точно также было бы нелепо пытаться заключать все неизмеримое богатство каждого из рассматривавшихся духовно-душевных Начал, скажем, в непереходимых границах какой-то одной из годовых четвертей. Мало того, если говорить о человеческом существе, мы знаем, что само наличие какого-то физического или душевного органа или способности еще не обязательно означает, что соответствующая функция им в полной

мере и в полном соответствии с его назначением осуществляется. Не говоря уж вообще о вероятности уродливых искажений в его строении или возможности пользования таким органом или способностью прямо-таки вопреки их правомерному назначению, – как, впрочем, также и любым внешним орудием в этом мире...

И все же жизнь года, именно в силу светящихся из нее закономерностей, может стать – как не однажды указывал Рудольф Штейнер – исключительно плодотворным источником подлинного самопознания.

Как пример конкретной работы в этом смысле можно было бы привести следующую возможность. В Календаре души с исключительной ясностью представлены взаимодействия между потоком наших чувственных восприятий (*Sinn*), в их естественной и прямой внешней обусловленности, с одной стороны, и человеческим мышлением, природе которого в принципе присуща свобода, с другой стороны. И вот сами ритмы этих взаимодействий, если их целенаправленно и внимательно проследить по годовому движению изречений Календаря, а также попытаться и в себе ощутить их как психологическую тенденцию, – эти ритмы и могут быть соотнесены с легко наблюдаемыми природными временными ритмами.

Такие упражнения действительно могут переживаться как первые шаги на пути, где приоткрываются великие тайны бытия. И это путь к Реальности, по самой своей природе чуждый расплывчатым псевдомистическим блужданиям по темным закоулкам собственного подсознания, как и просто болезненному застреванию в переживании особенностей своего маленького эго.

Ведь как раз вследствие полной и зримой реальности отраженных в Календаре души проявлений природной и душевной жизни и может душа, шествующая из одной годичной четверти в другую в созвучии с этими проявлениями и в полном их осознании, дать вливаться в себя благотворному и целительному потоку из “источника сил – Мирового Духа”.*

Но есть и другая, не менее важная сторона дела. Мы ведь знаем, как нужны самому духовному миру, самим стоящим над нами Иерархиям, какое для Них значение имеют наши связанные с Духом переживания и мысли, отзвук и ответ которых приносим мы ежедневно к алтарям их незримых небесных Храмов. Ведь человек в его идеальном существе есть “высочайшее художественное достижение Богов”, сама их “мировая цель и религия” (GA 153, 10.04.1914).

* См.29-е изречение Календаря души.

Правда, человек может и не отвечать на это сокровенное ожидание высшего мира, влача лишь каменную тяжесть своих эгоистически замкнутых, обращенных лишь к преходящему помыслов и чувств...

Да, высокие Принципы Веры, Любви, Надежды и Софии нам изначально даруются свыше. Но *мы должны быть в состоянии принять их!* В этом – первоначальная наша задача. И лишь тогда, став собственным нашим достоянием, они становятся и собственными нашими способностями. Мы лишь тогда научаемся истинно верить, любить, надеяться, лелеять и возвращать в своей душе высокие дары Духа, если вработываемся своим человеческим, микро-космическим существом в Макрокосмическую природу этих Начал, наполняем ими свое—предназначенное для этого приятия — душевное лоно. Календарь души дает возможность зримо осознать, как это может происходить.

И перед нами может предстать прекрасная и полная высшей жизни картина того, как излучаемые Мировым Духом импульсы Веры, Любви, Надежды и Софии, сознательно и полнокровно нами переживаемые, будучи лично проработаны в душе и обретая в каждом человеке какое-то новое, уникальное звучание, – как они вновь возносятся к алтарям небесных Храмов, неизмеримо в то же время, по слову Календаря души, расширяя саму душу и позволяя ей “к ясности обратиться в ткани (собственной) жизненной судьбы”.*

* См.32-е изречение Календаря души.

В заключение да позволит читатель прозвучать здесь одному из самых близких автору изречений Рудольфа Штейнера, служившему медитативным вступлением к работе над его лекциями на еженедельных встречах работающей группы антропософов “второго поколения”, возникшей в Петербурге в начале 70-х годов.* Подобно медитации Камня Основы, в нём также “крестообразно” соотносятся составляющие члены нашего душевно-телесного существа, – если следовать привычной уже нам картине последовательного их доминирования в годообороте. Здесь, однако, они представлены в лице осеняющих их начал и в обратной последовательности их пар:

Мудрость в Духе,
Любовь в душе,
Сила в воле -
Они ведут меня
И поддерживают меня.
Я доверяю им,
Я предаюсь им.

* Это изречение было дано Рудольфом Штейнером в качестве индивидуальной медитации одному из русских антропософов, приехавших на гельсингфорский цикл лекций Штейнера в 1912 или 1913 году. Приводим немецкий текст по GA 245:

*Weisheit im Geiste,
Liebe in der Seele,
Kraft im Willen:
Sie geleiten mich
Und halten mich.
Ich vertraue ihnen,
Ich opfre ihnen.*

Итак, Вы проделали, читатель, знаменательный и не такой уж легкий путь сообразно отраженному в Календаре души ходу годичной жизни. Круговой путь этот был пройден здесь неоднократно, следуя каждый раз новым аспектам взаимоотношений Великого и Малого Космоса.

И хочется надеяться, что при этом потребовалось и было действительно реализовано не одно лишь мыслительное участие, но проявилась целостная активность души, без которой ведь немислима уже и обычная, регулярная и последовательная, работа с изречениями Календаря. К этой душевной активности вызывает сам действующий в движении годооборота и, собственно, реально обуславливающий это движение Мировой Дух.

Об особой роли такой активности души для самого природного процесса прекрасно сказал Герберт Витценман (1905-1988), автор исключительно интересных и глубоких исследований о работе духовного ученика – работе, реально преображающей его самого и незримо влияющей на жизнь мира: “Ритм года увлекает за собой творения природы так, что они не в состоянии ни противиться ему, ни его изменить. Так и человеческая душа и в счастье, и в горе предоставляет себя свету лета и зимней мле. Но она может ощутить, как *события года стремятся в ней преобразиться, возвыситься до процесса, выходящего за рамки природы*”.* (Выделено нами - А.К.).

Мы можем однажды задаться вопросом: какова же главная ценность, в чем “окончательный смысл” этого все вновь повторяемого душой пути вместе с годооборотом? Тот же вопрос может быть, собственно, отнесен и к самому этому “круизолетью” в природе. Есть ли смысл в этом как будто бы постоянно возвращающемся к своей исходной точке движении?

А само продвижение вперед, развитие – имеет ли оно место при этом вечном возвращении на круги своя?

Подобные, так называемые “последние” вопросы возникают, похоже, лишь когда человек в той или иной степени утрачивает непосредственное ощущение своей органической включенности, так сказать, в рабочий ритм жизни мира. Тогда уже и чередование собственных состояний сна и бодрствования (а разве в нем не повторяется годичная “история” души?), или же – как и происходит это, например, в буддизме – сама бесконечная цепь сменяющихся земных жизней может предстать неким бессмысленным круговращением, достойным лишь усилий как-то прервать его, остановить...

* Г.Витценман. Двенадцать добродетелей. М., 1996. С.96.

Свособразие и исключительность таких “последних” вопросов – в том, что *извне* нет никакой возможности получить на них ответ. Душа прежде должна сама перестать ощущать себя пребывающей якобы вне событий мировой жизни. “Последние вопросы” попросту утратят свою актуальность, ибо их место займут и обретут тогда в душе актуальность духовные ее приобретения, собственный ее рост и расцвет. Вот как говорит об этом Г.Витценман буквально сразу же вслед за приведенными выше словами: “...Путь превращения, который душа под руководством духа может пройти в закономерной последовательности шагов, *не возвращается к своему началу* (хотя для внутренней работы необходимо повторение). Наоборот, душа все живее и совершеннее осваивает идеалы добродетелей, на которые ей указывает дух и к которым она внутренне призвана. В своем развитии она описывает *не замкнутую окружность, а поднимающуюся вверх спираль*. Иными словами, осиянная духом почка души распускается в цветук, а тот приносит плод, в зрелости которого душа и дух сливаются. Толкуя душе звездные письма идеалов, дух превращает ее в творца собственного подлинного существа.”*

А вот свидетельство из иного, так сказать, культурно-временного европейского региона спиритуальных исканий человечества. Знаменитый хасидский “учитель жизни”, раби Шнеур Залман из Ляд (“старый ребе”, ум.1813) вообще отрицал самостоятельное, обособленное существование чего бы то ни было в этом мире. Весь материальный мир существует лишь условно и *постоянно видоизменяется в непрерывном процессе миротворения*. Миротворение – непрерывающийся акт, поскольку *ничто не отделено от Бога и после своего сотворения*.

Ну а как же быть с упомянутым вечным возвращением и кажущимся бессмысленным круговращением времени? Так ведь согласно той же хасидской мудрости – “проходит” не время, а человек. Как непрерывно творится – а значит, движется – мир, так движется и человек – не время...

* Г.Витценман. Двенадцать добродетелей. М., 1996. С.97,98 (всюду выделено нами - А.К.)

Автор надеется, что к недостаткам этой работы не будет отнесено то, что избегалось, по большей части, погружаться в рассудочно-логическое обоснование прослеживавшихся по изречениям Календаря фактов и соотношений. Было, скорее, стремление дать их, можно сказать, динамические образы – в соответствии с назначением этих изречений как формул для медитации. Тем более, что эти факты и соотношения открыто и доступно для каждого гласят о себе в самом тексте изречений, и их остается только интенсивно “констатировать” и лицезреть.

Вообще же, постоянное сознание того, что приоткрывающееся и переживаемое при этом является прежде всего даром именно самого Календаря – самая надежная путеводная нить для любой работы с ним.

Автор глубоко убежден в обширной возможности дальнейших открытий здесь, с надеждой ждет их от других и всем сердцем желает успеха на этом пути.

Харьков 1986 - Дорнах 1996

**ПЯТЬ МЕДИТАТИВНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ,
ДАННЫХ РУДОЛЬФОМ ШТЕЙНЕРОМ 7 МАРТА 1914 г.
В ПФОРЦХАЙМЕ ВО ВРЕМЯ ЛЕКЦИИ “ИМПУЛЬС ХРИСТА
В ХОДЕ ВРЕМЕНИ И ЕГО ВЛАДЫЧЕСТВО В ЧЕЛОВЕКЕ”**

*(Библ. №152)**

I

В Начале было Слово,
И Слово было у Бога,
И Бог был Слово.
Оно было в Начале у Бога.
Оно было там, где все возникло,
И ничто не возникло
Иначе, чем через Слово.
В Слове была жизнь,
И жизнь была
Свет человек.

Im Urbeginne war das Wort,
Und das Wort war bei Gott,
Und ein Gott war das Wort.
Dieses war im Urbeginne bei Gott.
Dort war es, wo alles entstanden ist,
Und nichts ist entstanden
Ausser durch das Wort.
Im Worte war das Leben,
Und das Leben war
Das Licht der Menschen.

* текст приводится по изданию: R.Steiner. Wahrspruchworte. Dornach, 1981. S.95-99. GA 40 (Перевод А.Ковиссера)

II

В Начале есть Мысль,
И Мысль есть у Бога,
И Божественное есть Мысль.
В ней пребывает жизнь,
И жизнь должна стать светом моего Я.
И да светит божественная Мысль в мое Я,
Чтобы мрак моего Я воспринял
Божественную Мысль.

Im Urbeginne ist der Gedanke,
Und der Gedanke ist bei Gott,
Und ein Göttliches ist der Gedanke.
In ihm ist Leben,
Und das Leben soll werden das Licht meines Ich.
Und scheinen möge der göttliche Gedanke in mein Ich,
Dass die Finsternis meines Ich ergreife
Den göttlichen Gedanken.

III

В Начале есть Мысль,
И Бесконечное есть Мысль,
И жизнь Мысли есть свет Я.
Да наполнит светящая Мысль
Мрак моего Я,
Чтобы мрак моего Я воспринял её,
Полную жизни Мысль,
И жил и ткал в её божественном Начале.

Im Urbeginne ist der Gedanke,
Und ein Unendliches ist der Gedanke,
Und das Leben des Gedankens ist das Licht des Ich.
Erfüllen möge der leuchtende Gedanke
Die Finsternis meines Ich,
Dass ihn die Finsternis meines Ich ergreife,
Den lebendigen Gedanken,
Und lebe und webe in seinem göttlichen Urbeginn.

IV

В Начале есть Памятование,
И Памятование продолжает жить,
И Памятование божественно.
И Памятование есть жизнь,
И эта жизнь есть Я человека,
Что в человеке само струится.
Он не один, в нём – Христос.
Когда он себя в божественной жизни вспоминает,
Пребывает в его памятовании Христос,
И как сияющая жизнь памятования
Будет Христос светить
Во всякую тьму сего дня.

Im Urbeginne ist die Erinnerung,
Und die Erinnerung lebt weiter,
Und göttlich ist die Erinnerung.
Und die Erinnerung ist Leben,
Und dieses Leben ist das Ich des Menschen,
Das im Menschen selber strömt.
Nicht er allein, der Christus in ihm.
Wenn er sich an das göttliche Leben erinnert,
Ist in seiner Erinnerung der Christus,
Und als strahlendes Erinnerungsleben
Wird der Christus leuchten
In jede unmittelbar gegenwärtige Finsternis.

В Начале была сила Памятования.
 Сила Памятования должна становиться божественной,
 И Божественное должно становиться силой Памятования.
 Все, что в Я возникает,
 Должно становиться возникающим
 Из пронизанного Христом,
 Пронизанного Божественным Памятования.
 В нем должна быть жизнь,
 И в нем должен быть сияющий свет,
 Который из помнящего себя мышления
 Во тьму сего дня лучится.
 И тьма, сему дню присущая,
 Да постигнет она свет становящегося божественным
 Памятования.

Im Urbeginne war die Kraft der Erinnerung.
 Die Kraft der Erinnerung soll werden göttlich,
 Und ein Göttliches soll werden die Kraft der Erinnerung.
 Alles, was im Ich entsteht,
 Soll werden so,
 Dass es ein Entstandenes ist
 Aus der durchchristlichten, durchgöttlichten Erinnerung.
 In ihr soll sein Leben,
 Und in ihr soll sein das strahlende Licht,
 Das aus dem sich erinnernden Denken
 In die Finsternis der Gegenwart hereinstrahlt.
 Und die Finsternis, so wië sie gegenwärtig ist,
 Möge begreifen das Licht der göttlich gewordenen
 Erinnerung.

***Из опыта работы с Календарем души
в антропософских группах***

После появления немецкого (1997 г.) и первого русского (1998 г.) изданий «Года души» к настоящему времени накопился некоторый опыт совместной семинарской работы с изречениями Календаря души. Лучшее, чего мог бы желать автор связанного с Календарем исследования, — это дальнейшее использование в групповых или индивидуальных занятиях отмеченных в книге особенностей, закономерностей структуры и живой динамики этого годичного круга недельных изречений. В надежде как-то способствовать этому и приводятся здесь некоторые соображения и точки зрения, возникавшие в ходе упомянутой работы.

Будучи всякий раз связаны с непосредственным настроением, атмосферой конкретного момента года, они в то же время так или иначе отражали в себе ключевые мотивы всеобъемлющего учения о человеке и социуме, антропософской христологии, других областей основанной Рудольфом Штейнером науки о духе.

Своеобразным эпитафием к этому небольшому обзору могла бы послужить удачная, как кажется, аналогия, возникшая однажды во время занятий: подобно Изиде, вновь обретающей своего супруга Озириса, собственными усилиями собирающей воедино разбросанные в разных землях части его тела, может и человеческая душа, обращаясь к запечатленному в Календаре души целостному и полному образу годооборота, все вновь обретать своего Божественного супруга — «разорванный» во времени и пространстве Мировой Дух, оплодотворяющий ее через «сезонные» впечатления мира внешних чувств, и поддерживающий ее — самим ритмом смены этих впечатлений, дабы смогла душа выносить в своем лоне «младенца Горуса» — Рождественский «небесный плод Надежды», являющий световую природу и творческую волю самого человеческого мышления.

Зимой 1999 года в Петербурге в течение нескольких недель перед Рождеством, а затем на встречах в ходе двенадцати Рождественских вечеров, в двух антропософских группах были прослежены некоторые новые взаимосвязи недельных изречений этого времени. Главное внимание уделялось соотношению настроений, импульсов, идущих от них и к ним в общем прохождении душой годооборота.

Так, настроение 36-й недели оказывается прямым результатом, плодом импульса, воспринятого душой в «софийной», Второй четверти года, когда она проходила «антиподный» по отношению к этой неделе пункт годичного круга. Там, в 17-ю неделю, Мировое Слово призывало меня *извне*, из впечатлений бурлящего природными крас-

ками, звуками, настроениями, летней жизнью мира внешних чувств воспринять в себя, наполниться его несущими Мировую Мудрость просторами. Это Мировое Слово стремилось тогда наполнить недра моей души, ее духовные глубины собою, то есть Смыслом мира, Логосом.

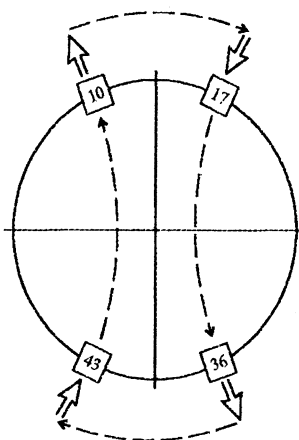
И тогда душа должна была сама открыться этому призыву и воспринять этот зачаток Мирового Слова. Лишь при этом условии позднее, в самой глубине зимних ночей, этот воспринятый однажды и ставший *собственным достоянием* души свет Мирового Слова сможет — теперь уже из недр моего собственного существа — светить, раскрываться во внешний мир через мои деяния. Но хотя теперь Мировое Слово призывает меня наполнить цели моего земного труда в этой Волевой четверти года Его духовным светом, даже как бы отождествиться жертвенно с этим светом, оно тем не менее оставляет мне свободу самому ставить эти цели, *свободно* соединяясь с этим импульсом Мирового Слова. И тогда сами цели земной моей работы ставятся безсамостно, они наполняются Мировым Смыслом, Логосом.

Так можем мы, пользуясь Календарем души как настоящим инструментом вживания в великий годовой ритм Мирового дыхания, подойти к переживанию этой неукоснительной преемственности взаимоотношений Макро- и Микрокосма.

Что касается этой пары изречений — 36-й и 17-й недель, можно это живое дыхание проследить далее, сопоставив уже привычным образом эту пару недель с соответствующей ей парой: 43-10. Однако, если, обращая взор из зимней 36-й недели к летней 17-й, мы тем самым как бы *оглядывались* на пройденный этап годичной жизни и искали там зачатки тех плодов, с которыми дано нам было подходить к празднику Рождества, то теперь задача зимней 43-й недели может быть лучше понята и осуществлена, если мы *заранее* взглянемся в естественное состояние души, ожидающее ее *в будущем* — в пункте летнего ее «антипода» в десятой посленасхальной неделе. По-летнему преодолеть свое обособленное чувствование, отдаться сияющему существу Солнца, и при этом не утратить себя, суметь предощутить всю реальность живого отношения Божественного существа «персонально» ко мне как к отдельной душе — возможность для этого закладывается здесь, в этих «зимних глубинах», когда «истинное бытие Духа» поддерживает, укрепляет душевный огонь в моем внутреннем.

Но ведь эта поддержка приходит здесь в отмеченном 43-м изречением пункте как бы *извне*, из действенной, активной включенности души в жизнь зимнего, Бодрственного полугодия, прорабатываемого

моим трудом. И труд этот наполнен солнечным светом Мирового Слова, гласившего к душе в предрождественское время в 36-м изречении.

Так же красноречива преестественная связь соответственных летних – 17-го и 10-го – изречений. Душа лишь тогда сможет дать наполнить свои глубины гласящему из внешнечувственных впечатлений Мировому Слову, если ранее, в пред-Иоанново время смогла преодолеть свое обособленное чувствование и в отдаче Мировой красоте «дать почувствовать» себя самому Божественному Существо.

Мы видим, как и в этой, одной из многих, четверице недельных изречений отразился исполненный высшего смысла и гармонии круговой путь упражняющейся души.

*

Продвигаясь от недели к неделе далее, к моменту Рождества, участники занятий все вновь убеждались, сколь многое может дать именно такое, можно сказать, комплексное рассмотрение содержания недельных изречений. В этом случае внутренняя логика, поистине эволюционный ряд душевных состояний, живой метаморфоз взаимоотношений Космического и индивидуального – все это позволяет тогда каждому отдельному изречению предстать убедительным и многосторонним свидетельством возможного опыта души и одновременно – его инструментом.

37-я, предрождественская неделя. Бодрствующая, несущая свой внутренний свет в зимнюю ночь земного мира, душа человека порождает тем самым собственные зачатки для будущего, насаждает их вовне, заботится об укоренении их в Мировых недрах. Через эту работу души само Божье Слово входит в земное бытие, просветляет его ночную зимнюю тьму.

Но эти душевные зачатки – это ведь новые семена Духа, возникающие теперь в тех самых «зреющих Божьих дарах», что призвана была душа укрыть, сберечь, получив их еще в самое светлое время года. Тогда, в 16-ю неделю, на то, что эти дары должны будут в будущих темных глубинах зимы принести плоды самого Я, пророчески указывало мне мое *предчувствие*.

И вот уже, в 38-м, Рождественском изречении мы видим, как воспринятый летом зачаток Мирового Слова (см. 18-е изречение), сбереженный и донесенный душою сюда, в срединную глубину Бодрственного полугодия, рождается наконец как небесный плод, Дитя Духа, оплодотворявшего душу в потоках летнего света и тепла.

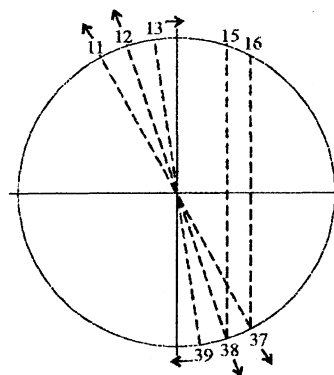
Удивительные законы душевно-космической жизни раскрываются в сжатых, насыщенных строфах Календаря души. На один из них указывают три первые строки 38-го, Рождественского изречения и его «антипода» – 15-го: чтобы в ясном свете бодрствующей души, «в просветленности сердца» смогло родиться, быть «расколдовано» Дитя Духа в зимние Рождественские ночи, для этого на противоположном полюсе года, в противоположном состоянии души – «в смутности чувств» должна была она чувствовать в самом мировом сиянии как бы некое волшебное вколдовывание в него созидающего тканья Духа... И сила, дарованная мне тогда Мировым Духом, именно она теперь «растет в мировые дали» из собственного моего душевного существа.

Активная, бодрственная направленность душевной деятельности во внешний мир достигает своей вершины здесь, в последние недели и дни Третьей, Волевой четверти.

Но вот, в 39-м изречении намечается уже процесс принятия в душу *извне* макрокосмических импульсов и сил. Этому процессу предстоит нарастать по мере вхождения души в следующую четверть и одновременно – в Полугодие преодоления личностного.

Да, уже здесь, можно сказать, в момент апофеоза индивидуально-начала в последнюю неделю третьей четверти впервые дает знать о себе главная тенденция душевной жизни в предстоящей четверти – обретение света Мирового Существа, становящегося силой человеческого мышления. Мы вновь встречаемся здесь с известной «предуказывающей» ролью завершающих каждую годовую четверть недель. Достаточно лишь сопоставить это, 39-е изречение с его «аналогом» в конце Первой четверти (13). Там также дает о себе знать тенденция предстоящей четверти – тенденция *восприятия извне* несущих душу импульсов.

Поразительно ясно, рельефно может предстать здесь же давно нам знакомая «аналогичность» противоположащих четвертей года, в данном слу-

чае Третьей и Первой. Ведь упомянутому выше восприятию извне всякий раз как условие должно предшествовать обращение, движение самой души вовне, к питающему ее Макрокосмическому источнику. В 39-ю неделю она для этого должна устремиться к «откровению Духа»; в 13-ю – к «вершине (внешних) чувств».

Тот же вектор устремленности души «изнутри-вовне» проявляется в изречениях соседних недель: прорастание в Мировые дали 38-й недели – и полет к Мировому свету и Мировому теплу 12-й недели; несение своего духовного света в мировую зимнюю ночь 37-й недели – и отдача себя Мировой красоте, стремление утратить и обрести себя в Мировом Я в 11-ю неделю.

*

В ходе упомянутой групповой работы, но несколько ранее, поздней осенью 1999 года, когда подошло время одной из четырех «искушающих» недель – 33-й, особая тема этих «черных дыр», зияющих как Седьмые недели в центре каждой четверти года, оказалась доминирующей. И хотя в Четвертой главе этой книги, а также и ранее, на стр. 23-24, теме этой было уделено значительное внимание, все же кое-что из акцентированного при совместной работе над ней представляется полезным, хотя бы совсем сжато, схематично привести здесь.

Вспомним: 33-я и 20-я недели, с одной стороны, и 46-я и 7-я, с другой, предстают как две пары недель-«аналогов» (нарушая тем самым обычный для Календаря характер соотношения недель соседствующих четвертей). В первом случае оба изречения гласят об опасности *недостаточности* сопереживания душой Мирового бытия, отступлении перед ним в собственные границы. Во втором же – об угрозе *чрезмерной интенсивности* такого сопереживания, захваченности и оглушенности внешнечувственными впечатлениями.

Характерно, что чрезмерность упомянутого сопереживания грозит способности, силе человеческого мышления, умозрения, в то время как недостаточная степень, так сказать, включенности в дела мира – это опасность утратить полноту *самого бытия*, как человеческого, так и мирового.

При этом в одной паре этих «аналогов» (46-7) вначале каждого изречения представлена грозящая опасность, а затем – орудие противостояния ей: сила *памятования*, либо способность *предчувствия*. И далее, в первой части ближайших последующих изречений (47-8) суть опасности как бы уточняется.

Для другой пары недель (20-33) дело обстоит совсем иначе: в бли-

жайших предшествующих им изречениях показан правомерный характер взаимоотношений души с мировым бытием, Мировым Словом. А в изречениях самих этих двух недель первая строка четко, однозначно резюмирует указания пройденных недель: «*Только так* чувствую я мое бытие...»; «*Только так* чувствую я мир...». И уже затем показаны возможные губительные последствия игнорирования предудказанных душе задач этого времени.

7 Чрезмерная степень правомерной тенденции этого времени – доверия ко всепенной, веры в родственность ее мне. Силе мысли грозит утрата ее в блеске внешнечувственного, мое Я может ускользнуть вовне, раствориться в космической жизни.

20 Моему бытию грозит отъединение от Мирового бытия бегством в свои границы, и тогда – угасание вплоть до самоуничтожения.

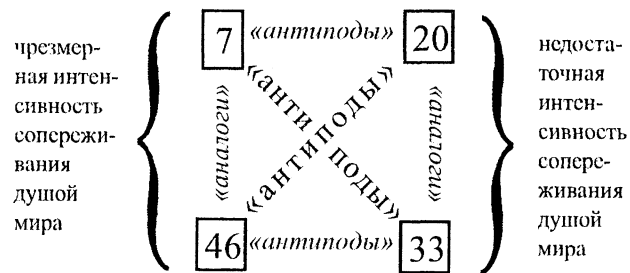
Предшествующие изречения призывали меня наполнить свои духовные глубины переживанием мировых просторов, пронизанных Мировым Словом, укрыть, деятельно защитить полученный дар Духа в своем внутреннем.

46 Чрезмерная, оглушающая степень внешних впечатлений от чарующего облика внешнего мира. Правомерно же внешний блеск мира должен был бы быть пронизан душевной ясностью, освещен светом человеческого мышления и одновременно – согрет любящей силой человеческого сердца. И как раз силе мысли, умозрения грозит оглушение, заглушение напором внешних впечатлений от мировой жизни.

33 Миру чувств грозит оставленность моим сопереживанием, и тогда – опустошенность, замерзание, умирание собственной его жизни.

Предшествующие изречения призывали меня возжечь в себе свет мышления, укреплять собственные силы, способные принести плоды. Тогда сама способность чувствовать может претворяться в «надежность самосознания».

Отметим еще раз особый, отличающий их от всех других изречений, характер соотношения «искушающих» недель:

*

Внимательный, исключая всякую сентиментальность, хотелось бы сказать, феноменологически-объективный подход к изучению Календаря души позволяет подчас прозревать в самой его композиции и структуре – но прежде всего, конечно, в соотношении содержания отвечающих друг другу по местоположению недельных изречений – удивительную мудрость, подобную той, что заложена и сквозит в природном устройстве мира, его явлениях и существах.

Мудрая закономерность взаимоотношений человеческого существа и мира, включая живое проявление в них обоих самого феномена времени, жизненная потребность друг в друге Макрокосма и Микрокосма – все это явственно предстает в драматической коллизии прохождения душою опасных срединных недель в каждой годичной четверти.

Хотелось бы подчеркнуть исчерпывающую точность и своевременность четырех этих грозных предупреждений, этой своеобразной презентации в Календаре души опасностей, подступающих в определенные моменты к человеку изнутри его собственной души.

Осознавая важность этих указаний, еще раз бросим на них взгляд, запечатлеем их в душе как мудрые напутствия к сознательному прохождению душою годооборота.

Итак, отраженная в обоих Седьмых изречениях Свеговосходящего полугодия (46, 7) опасность состоит в некой *чрезмерности* безоглядного изживания душою главной правомерной тенденции этого времени, тогда как доминирующей задачей души в этом полугодии является *преодоление личностного* – свободное, исходящее из нее самой и остающееся, так сказать, в ее собственных руках. И напро-

Полугодие преодоления личностного

7 В соответствии с вектором угрозы нарастающей тенденции, **апелляция к Будущему** – ко времени влечения софийного начала Второй четверти. **Предчувствие** угрозы утраты Я, которому надлежит вскоре воспринять родственные себе силы Макрокосма. Предчувствие заменяет силу мышления.

20 В обоих срединных изречениях звучит центральная проблема драмы познания: взаимозависимость Макро- и Микрокосма.
Один из аспектов пра-исторического «грехопадения» – расщепление интуитивной связи человека с миром на восприятие и понятие. Ныне через человеческое познание мир получает недостающую ему, оживотворяющую его часть, а сам человек получает столь же для него живительный внутренний отсвет Мирового Мышления.

46 **Апелляция к Прошлому**, ко времени Рождества Дитяти Духа в лоне души, и далее – к софийному времени, то есть к обретению Его же как зачатка Мирового Слова.
Теперь призывается спасительная сила **памятования** – в соответствии с вектором угрозы: угрозы заглушения силы, уже рожденной ранее в душе.
Сила памятования укрепляет способность умозрения.

33 В момент познания мгновенно свершается акт соединения, возвращения друг к другу человека и мира. И это также – **самоутверждение их обоих в настоящем моменте**, что и подчеркивается указанием «только так» (so...erst), звучащим в начале каждого из этих изречений.

тив, Светонисходящее полугодие таит в себе иную угрозу для гармоничного прохождения его душою. Это – соблазн подмены тогдашней ее задачи – *укрепления личностного* – уходом в субъективное, игнорированием реальности внешнего мира, который требует как раз бодрого, активного участия души в его делах (20, 33).

Полугодие укрепления личностного

Но тем самым в эти опасные недели перед душой явственно предстают Противобразы самих долженствующих поочередно доминировать в разное время духовных Принципов человека – Веры, Любви, Надежды и богочеловеческого Начала, Божественной Мудрости – Софии. Неисчерпаемая и исключительно ответственная тема этой стороны взаимодействия Мирового Духа с человеческой душой должна была бы все вновь ставиться в ходе групповой работы с изречениями Календаря души.

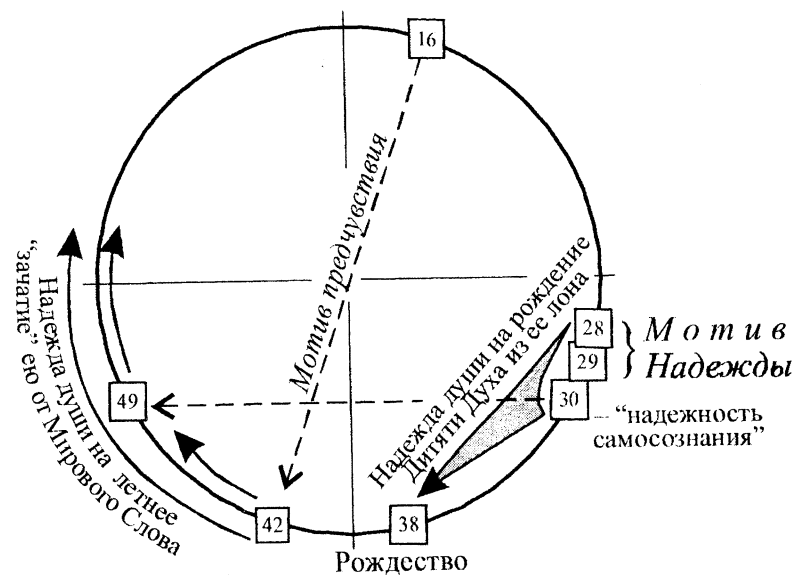
В апреле-июне 2000-го года в Харькове, в Центре антропософских инициатив и на конференциях учительской коллегии вальдорфской Школы свободного развития проводился семинар «**Индивидуальное и космическое в прохождении душой годооборота**». Некоторые из возникших в ходе занятий новых точек зрения, неожиданных сопоставлений, а подчас – настоящих открытий, подсказанных Календарем души, могут быть в сжатом виде представлены здесь.

В соответствии с временем проведения семинара, естественным образом поочередно вставала тема праздников Пасхи, Вознесения, Троицы.

На пороге предпасхального месяца привлекает внимание возникающий впервые после Рождества мотив Надежды (49-я неделя) – единственный раз в этой четверти Любви. Но в отличие от Третьей четверти, когда в лучах Надежды душа призвана была разрешать, посредством укреплявшегося тогда мышления, «жизненные загадки» – внутренний смысл событий и переживаний земной жизни (28-29), сопутствующих внешним трудам человека, – в отличие от этого, теперь надежда души обращается вовне, к сопереживанию Мирового Бытия и Мирового Мышления. И человек уже призывает само Мировое Мышление для разрешения загадки своей собственной души (48-49). Ведь именно они – Мировое Бытие и Мировое Мышление вскоре все более будут становиться главными действующими лицами великой мистерии года, в то время как человеческой душе предстоит «тихо смирить себя в сновидческом бытии» (8).

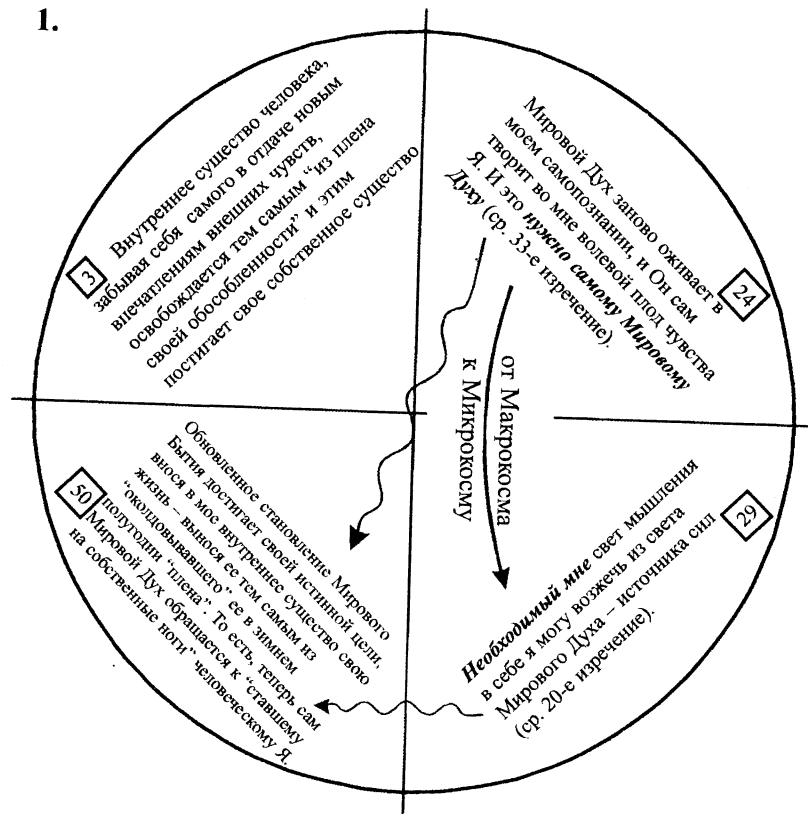
И подобный феномен кратковременного – лишь в одном недельном изречении в течение целой четверти – выступления мотива, свойственного совсем другому времени года, мы встречаем еще только однажды, и как раз в этой же предпасхальной четверти. В изречении 42-й недели вновь на мгновение внезапно появляется давно молчавшее *предчувствие* (42), когда само сердце подсказывает человеку вер-

ное направление «в этой зимней тьме» – к солнечному теплу предстоящих откровений внешних чувств... Словно бы луч света спроецирован сюда из сияющего летнего начала Второй четверти (16). Там предчувствие «строго повелевало» укрывать во внутреннем дары Духа, приходящие извне в переживании софийной Красоты внешнего мира. Здесь же, в 42-м изречении оно побуждает «предошутить откровение внешних чувств». Само же предчувствие и теперь, как это происходило в более длительном цикле на протяжении Второй и Третьей четвертей (ср. стр. 11 Первой части этой книги), преобразуется уже как бы в ускоренном ритме в силу Надежды (49):

Ниже приводятся две схемы, служившие на семинаре наглядным подспорьем при работе с двумя последующими предпасхальными изречениями:

1.

2.

Душа и Мировой Дух, они оба нуждаются в живых взаимоотношениях. Изречение 2-й недели, констатируя душевно-мировую ситуацию данного момента, в то же время исключительно концентрированным образом воспроизводит динамические взаимоотношения человеческой души и Макрокосма, разворачивающиеся, собственно, на протяжении всего годового круга. Начиная теперь отдавать, растворять во внешнечувственном важнейшее достояние, обретенное ею в послерождественское время – укрепленную силу мысли, душа тем самым как бы окончательно формирует вращающийся в духовные миры «человеческий росток», о котором говорит 2-е изречение. Сколь необходимо это миру, запечатлел еще Парменид в своей сакраментальной формуле: *“МЫШЛЕНИЕ И БЫТИЕ – ОДНО”*.

Но ведь росток этот, как мы неоднократно прослеживали по Календарю, получал в истекшем только что году свой зачаток от Мирового Духа в летнее софийное время, а «свой душевный плод» – в Рождественские ночи Земли.

Подобно этому, в «зеркальном» по отношению ко второму, в пятьдесят первом изречении мы видим, как человеческое восприятие черпает, воссоздает свою силу из Мирового Духа, разлитого в океане внешнечувственного. Но Мировой Дух обретает себя в «отражении человеческого ока». Человеку нужно богатство внешнечувственных восприятий, а Мировому Духу необходимо отражаться в этом зеркале человеческой души.

При работе над этими изречениями была, как кажется, подмечена важная особенность здорового самоощущения души: столь необходимое душе богатство впечатлений, даруемое миром внешних чувств, вливаясь в мое внутреннее, *не присваивается* мною, не удерживается эгоистически, но став моим достоянием, частью моего бытия – вновь отдается Вселенной. Таким образом постоянно преодолевается та опасность взаимной утраты друг друга человеком и Универсумом, о которой предостерегают Седьмые изречения Светонисходящего полугодия. Преодолевается в течение всего годичного пути, а следовательно – всей человеческой жизни.

*

Рассмотрению пасхальных изречений Календаря, а затем приходящихся позднее на время праздников Вознесения и Троицы, естественным образом уделялось особое внимание в ходе семинарских занятий весны-лета в Харькове.

Тому значительному, что открывается при сопоставлении изречений первой и последней в году Пасхальных недель, был ранее посвящен целый раздел Первой части этой книги (стр. 14-18), и потому

здесь важно отметить лишь то новое, что увиделось в них теперь при групповой работе.

Кажется, Х.Л. ван Хаудуверу принадлежит мысль, что собственно все изречения Календаря – в сущности пасхальные. Более того, Хаудувер пишет, что созданный Рудольфом Штейнером Календарь души отвечает первоначальной форме посвящения; душа, правильно вживающаяся в поступь времени, тем самым в ходе каждого года переступает ступени высшего познания и таким образом ежегодно живет в ритме, ведущем ее в ходе времени к пробуждению в Духе. Но ведь первоначальная предпосылка этого пробуждения – свершившееся на земле рождение Я Христа... (ср. Х.Л. ван Хаудувер «Наблюдения над антропософским Календарем души», Штутгарт, 1975).

Итак, в ходе пасхальных занятий мы обратились к обычной четверице соответствующих изречений:

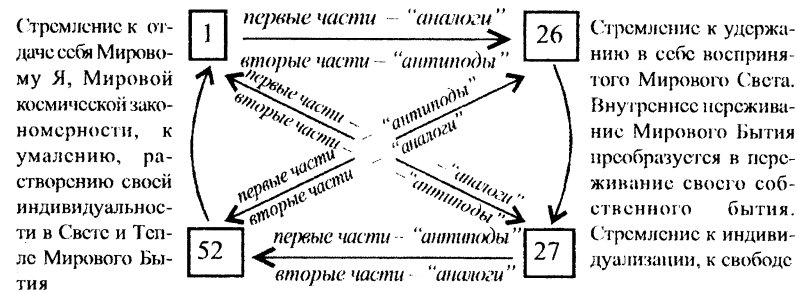
<p><i>Когда из мировых просторов Солнце гласит к человеческим чувствам И радость из душевных глубин Со светом сливается в созерцании, Тогда возносится из-под покровов личностного</i></p> <p><i>Мысли в дали пространства И смутно связывают Существо человека с бытием Духа.</i></p>	<p><i>Природа, твое материнское бытие, Я песу его в моем волевом существе; И огненная мощь моей воли, – Она закаляет устремления моего духа, Чтобы они породили чувство Я, Несущее меня во мне.</i></p>
<p><i>Когда из душевных глубин Дух обращается к Мировому бытию И красоты источается из просторов пространства, Тогда нисходит из небесных далей Сила жизни в человеческую телесность И, мощно действуя, соединяет Существо Духа с человеческим бытием.</i></p>	<p><i>В глубины моего существа проникнуть (взором) Зовет полное предчувствий томящее ожидание, Что, созерцая самого себя, я себя обрету Как летнего Солнца дар, который как зачаток, Согревая в осеннем настроении, Живет как стремление сил моей души.</i></p>

Обнаружилось, что здесь мы имеем дело со своеобразной **ПОРОГОВОЙ ОСЬЮ** года, связывающей Праздники Пасхи и Дня Михаила*. И уже внешнее, так сказать, рассмотрение обрамляющих эту ось изречений выявляет некую особую структуру их соотношений.

Только в одном еще случае в Календаре имеет место столь явное нарушение обычного характера соотношений между собой «противолежащих» и «противоположных» изречений – в случае «ис

* Не забудем, что здесь, ведь, – и сезонный переход в другое время года, в отличие от моментов Рождества и Иоаннова дня

кушающих», Седьмых в каждой четверти недель (это подробно рассмотрено в Четвертой части книги).

Ясно делящееся на две части по принципу: *Обращение-Отклик*, все четыре рассматриваемые изречения находят друг в друге свои «аналогии» и «антиподы» только дифференцированным образом – именно в соотношениях своих частей. Но такое же сопоставление их в целом виде определенно утрачивает ставший уже привычным при работе с Календарем характер.

В чем же выявляется пороговый характер этих двух узловых пунктов годооборота? Он напрямую связан с самим содержанием, высшим смыслом переживаемых здесь Праздников – Пасхи и Дня Михаила. К тому же в одном случае душа вступает в Сновидческое полугодие, в другом – выходит из него и призвана высвободиться из оплодотворявших ее все лето грёзоподобных впечатлений и образов природной жизни, пробудиться к активным, целенаправленным действиям – ее задаче в Бодрственном полугодии.

Вспомним, что до и после пасхального времени «искушающие» недели (46-7) предостерегают душу от некоей чрезмерной бурности выхода ее из оболочек индивидуальности: *такое* «засыпание» едва ли приведет к здоровому, обновляющему и целительному сну... И напротив, до и после прохождения душой Михаэлева «порога», в «опасные» недели (20-33) она призывается преодолеть пассивность, вялость во взаимоотношениях с миром – сообразно ее задачам в Бодрственном полугодии.

При этом в 52-м, предпасхальном изречении перед этим «засыпанием в лето» из душевных глубин человека звучит обращение к Мировому Бытию, своеобразный «вопрос перед засыпанием».

Значит, душа надеется получить ответ из духовного мира. И осознанно услышать его, как и в случае обычного еженощного нашего сна, она должна будет, вероятно, в момент «пробуждения», в на-

шем случае – при прохождении порога Бодрственного полугодия. Но там... стоит Михаил! И он, как известно, призывает человека к бодрствованию, к сознательному и активному вработыванию в насущные дела мира.

И, вероятно, часым душою при «пробуждении в осень» ответом надо считать само имя Михаила. Ведь будучи буквальным образом переведено с языка древнееврейского народа, Водителем которого и являлось это архангельское Существо, имя Михаил заключает в себе то ли вопрос, то ли определение: «*Кто как Бог(?)*». Сколь активная, созидательная и притом исходящая лишь из глубин собственного существования сила должна быть присуща тому, кто может быть представлен в ответе на этот вопрос! Не забудем и известного указания Рудольфа Штейнера: «*Михаил есть Дух силы*».

Какие еще черты, присущие этому Духу Времени, Духу нашей сегодняшней эпохи, можем мы поставить перед душой в это осеннее время, когда буквально все изречения Календаря души зовут человека к интенсивному и плодотворному *самоосуществлению*? Рудольф Штейнер, основавший современное духовнонаучное движение, стоящее, как известно, именно под знаком Михаила, свидетельствует, что в отличие от иных духовных Водителей человечества «... Михаил обращен к индивидуальности, а не к группам» (GA 195, 25.12.1920).

«Другие духи импульсируют в человеке то, что человек должен осуществлять. Михаил же является особым духовным водителем свободы. Он предоставляет человека его делам, а затем из человеческих дел берет результаты, чтобы нести их далее в космос, чтобы далее действовать в космосе с тем, с чем человек еще действовать не может» (GA 237, 8.08.1924).

И что исключительно важно, «... силы Михаила не хотят, чтобы о них молили, они хотят, чтобы человек *связывал себя с ними*» (GA 223, 28.09.1923). Не эту ли глубинную связь с михаэлическим началом, что сопутствует действующему свободно, отваживающемуся в пугный момент взять на себя индивидуальную ответственность человеку, выразил в наши дни автор неожиданного и сакраментального утверждения: «*Инициативный человек – божественен*» (*Göttlich ist der initiative Mensch*)? *

* Мартин Баркофф в статье «Die Ordnung der Machtverhältnisse an der Weihnachtstagung 1923». (Еженедельное приложение «Что происходит в Антропософском обществе» - к журналу «Гетанум» №15, С. 114. Дортмунд, 9 апреля 2000г.)

В контексте размышлений антропософского журналиста эта формула родилась именно как ответ на испытующий вопрос, заключенный в имени Михаила. И это имя принадлежит подлинному Стражу, стоящему у порога Бодрственного полугодия и призывающего человека пробудиться правильным образом.

Но посмотрим, кто стоит перед вратами *каждодневного* нашего пробуждения в земной мир: «Утром, в момент пробуждения человек как бы стремится вступить во врата своей собственной сущности. Однако, у этих врат стоит Страж, *Малый Страж порога* (выделено нами - А.К.). Он не позволяет человеку войти в свою собственную сущность, но тотчас направляет его во внешний мир. Каждое утро человека встречает этот Малый Страж порога» (Р. Штейнер. Экскурсы в область Евангелия от Марка, лекция от 19.II.1910, GA 124).

Парадоксальность этого сообщения Рудольфом Штейнером факта снимается, если подумать о том, что может означать вступление в эту «свою собственную сущность». Она ведь совсем так же принадлежит душевно-духовному миру, как и обширнейшие его области, описываемые духовным исследователем. И потому требуется заградить доступ в этот мир тому, кто еще не готов для вступления в него (ср. Очерк тайноведения. Ереван, 1992. С. 244).

Взглянем на другой полюс этой Пороговой оси – момент Пасхи. Здесь перед вратами нового Мирового года стоит Христос. Но это же – и врата, порог вхождения души в Сновидческое полугодие, ее «засыпания в лето». Христос же, этот «великий земной прообраз человека», Он на определенной ступени духовного развития человека воспринимается им как Великий Страж порога, призванный заградить неправомерный доступ в высшие миры (там же. С. 252). Но Он же и охраняет, оберегает человеческую душу на пути через эту область года, сильнее всего приближаясь к нам в это время и даже в известном смысле прощая, растворяясь в нас. И потому в это летнее время человек может безбоязненно отдаваться внешнему миру. Он защищен – как и во время еженощного своего сна – в отличие от Бодрственного периода, темного зимнего времени, когда человек должен *сам* защищать себя от воздействия определенных внешних элементарных влияний, в соответствии с вышеприведенным вопросом-напутствием Михаила (ср. GA 175, 20.02.1917).

Правомерность сделанных только что сопоставлений может быть подкреплена сообщавшимися в разное время Рудольфом Штейнером данными о природе обычного нашего еженощного сна. Так, сопоставляя различные, обычно бессознательные, переживания во

время сна со ступенями древнеегипетского, а также средневекового розенкрейперского посвящения, он указывает: на определенной стадии сна человек бессознательно -- а на пути оккультного ученичества сознательно -- ощущает, что его «душа должна будет раствориться, если Существо Христа в этих сферах не станет ее Водителем. И чувство приближающегося Христа, становящегося Водителем, Которого человек представляет в этой сфере связанным с жизнью Солнца. ... он ощущает как средневековый ученик. ... Так живет человек во сне и через сон» (GA 227, 27.08.1923).

А вот своеобразный аналог прохождения душою Сновидческого, летнего полугодия: «В действительности, когда мы погружаемся в туманное бытие состояния сна, мы находимся в мире, приводящем в смятение, и Христос, как духовное Солнце, выступает в этом мире и ведет нас, чтобы мы это смятение претворили в некий дар гармонического понимания» (GA 214, 30.08.1922).

С другой стороны, легче насыщение души целительными макрокосмическими образами -- через нашу отдачу впечатлениям пронизанного солнечным светом и теплом внешнечувственного мира, -- что это, как не повторение в ином, годичном ритме того, что происходит с нами каждую ночь: «Как физическому телу доставляются, например, средства питания из окружающей его среды, так астральное тело получает во время состояния сна образы из окружающего его мира. Оно тогда действительно живет вне физического и эфирного тела во Вселенной, в той самой Вселенной, из которой родился весь человек. В этой Вселенной -- источник образов, благодаря которым человек получает свой облик. Он гармонически включен в эту Вселенную. ...». И подобно тому, как в осенний и зимний холод, во всю тьму Бодрственного полугодия приносит душа насытившие ее летом солнечный свет и тепло, так и при каждодневном пробуждении астральное тело человека приносит в грядущий день из родственной ему вселенской гармонии «столько силы в свои тела, что на некоторое время может снова отказать от пребывания в этой гармонии» (GA 13, «Очерк Тайноведения». -- Ереван, 1992. С.58-59). И еще: «Основное переживание спящего человека -- это жизнь в свете» (GA 202, 10.12.1920).

Но вот утром, при пробуждении, «...проходя мимо Стража Порога, мы чувствуем, как в нас продолжает действовать вся *воля Макрокосма*» (GA 119, 24.03.1910).

Вообще же оккультное «устройство» человеческого восприятия таково, что уже обычная отдача себя в чувствах внешнему миру определенным образом является «этапом на пути к засыпанию в

отношении сознания. Во сне *весь человек* принимает участие во внешнем мире» (GA 219, 22.12.1922). Во сне человек погружается «в чистый элемент воли». Однако «воля становится действием, когда она идет далеко во внешний мир -- до той области, откуда приходят впечатления чувств» (GA 153, 11.04.1914).

Всё вышеописанное, что происходит с человеком ежедневно, удивительным образом повторяет переход от летнего «сна» к осеннему «пробуждению», который можно проследить по Календарю души в изречениях Михайлова времени. И чувствуешь, как важно проработаться к правильному переживанию Праздников года, если знаешь, что *«засыпание означает постановку вопроса перед духовным миром, а пробуждение -- ответ на этот вопрос»* (GA 208, 12.11.1921).

Внутренняя родственность моментов каждодневного засыпания и пробуждения Пасхальному и Михайлову пунктам годичной жизни души предстала автору этих заметок еще с одной неожиданной стороны. В известной работе Х.Л. ван Хаудовера «Наблюдения над Антропософским календарем души» (Штутгарт, изд. «Меллингер», 1975) помимо наглядного изображения годооборота в виде круга (как это делалось повсюду и в нашей работе) приведена и иная схема -- *в виде лемнискаты*, где в срединной точке пересечения как раз и встречаются обе пары пасхальных и михайловых изречений Календаря (52-1 и 26-27). Внутренняя необходимость побудила автора подчеркнуть этим радикальный -- пороговый, по нашему определению, -- характер этих пунктов года. А внимательный читатель не мог не заметить, что именно в этих двух пунктах Календаря души, и только в них, внезапно словно бы прерывается ровная и преемственная взаимосвязь изречений -- «аналогов» и «антиподов». Достаточно лишь взглянуть на стоящие под текстом изречений цифры. Конечно, на деле эта преемственность ничуть не прерывается здесь, -- меняется только как бы ее *направленность*...

И вот, ту же лемнискату можно встретить в одной из лекций Рудольфа Штейнера, составляющих цикл «Соответствия между микрокосмом и макрокосмом» (GA 201, 18.04.1920). Там она наглядно представляет весьма парадоксальную характеристику состояний засыпания и пробуждения человека. Нас же эта часть лекции может приблизить к лучшему пониманию сущности рассматриваемых моментов года:

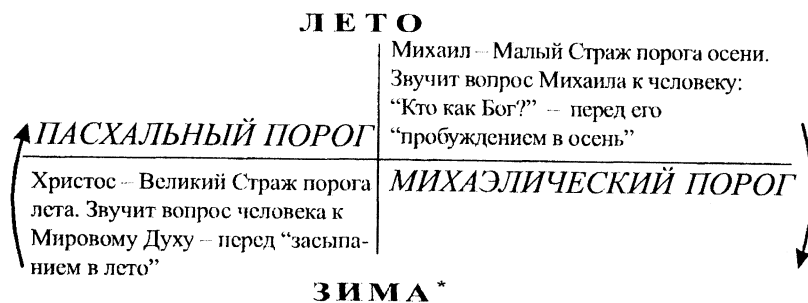
«Когда вы просыпаетесь, то в отношении своей жизни вы вновь оказываетесь *в той же связи с собой и внешним миром*, как и при

засыпании. Моменты засыпания и пробуждения соответствуют один другому, они отличаются лишь направлением. При пробуждении всё идет от сна к бодрствованию, при засыпании – от бодрствования ко сну. Но в остальном они одинаковы. И если вы хотите линией представить движение... то это не будет прямая или просто кривая линия, поскольку вы не получите тогда в ней пробуждения и засыпания... Это не может быть никакая другая линия, как только эта:

...В точке совпадают засыпание и пробуждение, но направления – разные» (все выделения в тексте приведенных выше цитат сделаны нами – А.К.).

Более или менее наглядно упомянутая «пороговая ось» годовороты могла бы быть представлена, например, следующим образом:

Конкретную, буквальную справедливость утверждения Рудольфа Штейнера о том, что «...долгий оккультный опыт и духовное исследование сжаты в этих пятидесяти двух формулах, способных стать формулами времени для внутреннего переживания души, которая может присоединиться благодаря этому к процессам божественно-духовного переживания» (из лекции в Кёльне 7 мая 1912 г., GA 143), – можно почувствовать, сопоставив всю вторую часть 52-го, предпасхального изречения («Нисходит... сила жизни в человеческую телесность...») с таким, например, указанием Рудольфа Штейнера: «Свое

* Возникшая в ходе семинара в Харькове концепция соотношения роли Малого Стража и Великого Стража порога с пороговой осью «Пасха – День Михаила» принадлежит А.Л. Топтыгину (вальдорфская Школа свободного развития).

земное деяние Христос совершил для человеческих тел (выделено мною – А.К.), для возможности земной жизни. Христос влил в человеческую телесность силу противостоять распадению. Распадение было необходимо человеку для возможности стать Я. Но Христос своим деянием спас человеческие тела от распадения» (Тайна Троицы, лекция от 30.VII.1922, GA 214).

*

Ситуация Праздника Вознесения, падающего на шестую, послепасхальную неделю, своеобразно отражается в календарных изречениях этого времени. Подумаем о переживании учениками Иисуса утраты, скорби, когда Христос покидает их за десять дней до Пятидесятницы, исчезает от непосредственного, физического лицезрения людей, «возносится» по мистериальному выражению.

Но эта утрата должна быть преодолена, ибо Он возносится туда, откуда Он же дарует им затем, на Пятидесятницу, Духа Утешителя, Св. Духа. И Рудольф Штейнер говорит, что из этой десятидневной боли и страдания любящих Христа и могло возникнуть таинство Пятидесятницы. «Из воспоминания о Событии Голгофы, из боли возшло вновь в их душах созерцание утраченного, но теперь уже личностно-сознательное» (речь от 17.V.1923, GA 226).

Да, Святой Дух, будучи общим для всего мирового и общечеловеческого бытия, именно поэтому и властен «разделиться и почтить» на каждом ученике, а следовательно, – и каждом человеке.

И здесь стоит вновь отметить, как это было уже однажды (с. 19, примечание), всю зловещую “своевременность” реальной опасности разлучения Я-начала с душевным существом человека как раз накануне Пятидесятницы – “Праздника свободных индивидуальностей”, “знамения непреходящности нашего Я”, по определению Рудольфа Штейнера. Эта опасность, как мы знаем, предстает внезапно именно в неделю, отделяющую Праздник Вознесения от Пятидесятницы.

И тогда, в изречении этой же 7-й, последующей за Вознесением недели навстречу угрозе утраты Я душа призывает силу *предчувствия*. Содержание, скрытый смысл этого предчувствия раскрывается не сразу – в 9-м изречении: «Утрать себя, чтоб себя обрести» (вспомним Павлово: «Не я, но Христос во мне»). Один из оккультных аспектов события Вознесения состоит, по свидетельству Штейнера, в следующем. Эфирное тело человека буквально влечется к Солнцу, «постоянно взвигается к Солнцу». Христос удерживает его, соединяясь с этим устремлением. В образе Вознесения предстает реальное спасение физически-эфирного человека Христом (GA 224, лекция от 21.VI.1923).

Что касается фигурирующего в Календаре души *предчувствующего познания*, то в 10-м изречении речь идет о его дальнейшем углублении и продвижении. Оно содержит радостное и ясное обетование: «... Узнаешь ты однажды – тебя почувствовало ныне Божественное Существо». Позднее, в летнее время, через ощущение родственности человеческой души самому Духу (13), через потребность укрыть, сберечь дар Духа во внутреннем души (16) предчувствие созревает до осознания душою необходимости *самой* проработать, преобразовать себя так, чтобы стать достойным облачением этому воспринятому в дни Пятидесятницы Духу – всеобщечеловеческому и одновременно в высшей степени индивидуальному (18). И наконец, фактически в преддверии Михайлова времени, предчувствие уже «ткёт во мне (светоносно!) силу самого Я» (21).

Харьков, Троица 2000 г.

Примечание к стр. 52 (о “противообразе” Надежды)

... Итак, именно мотив Надежды звучит в это время в изречениях Календаря души все более настойчиво, пронизывая собою “волевою” четверть. Здесь, как уже отмечалось, душа изливает воспринятые накануне силы Мирового Бытия, их солнечную мощь, ставшую теперь собственным ее достоянием, во внешние деяния своей жизни, источает исполненные этих сил “мысленные лучи” (*Gedankenstrahlen*), дабы осветить и разрешить как внешние, так и внутренние задачи и загадки этой жизни (28, 34 изречения Календаря). Более того, душа становится теперь способной совершить некий сокровенный акт – очистить и преобразовать в себе само качество этого принципа Надежды. На это со всей определенностью указывают две завершающие строки изречения 28-й недели (ставящие подчас в тупик впервые знакомящегося с Календарем). Ведь здесь Надежда неожиданно выступает в реальном облике возможного своего противоположа, способного “ослабить, сковать крылья” тому самому желанию, стремлению (*Trieb*) моей души и духа, которое я, было, уже обрёл в себе в предыдущие две недели (26, 27) как макрокосмический дар летнего солнца. Это – стремление к бодрственному михаэлическому “несению себя в себе”. С замечательной пронизательностью Х.Л.Ван Хаудувер заметил в своих “Наблюдениях над Антропософским календарем души” (Штуттгарт, изд. “Меллингер”, 1975, глава о 27-39 изречениях), что Рудольф Штейнер употребляет здесь слово “надежда” не иначе как в смысле пословицы “Надеяться и терпеть – приводит лишь к грехам (долгам)”. * Можно было бы привести и немецкое: “*Hoffen und narren macht manchen zum Narren*”**. Эта оборотная сторона надежды преодолевается только личным делом. Недаром Хаудувер отмечает там же, что начиная с Дня Михаэля, почти в каждом изречении присутствует слово “сила” в той или иной форме. Человек, покинутый стихийной силой природы, несшей и поддерживавшей его весной и летом, предоставляется теперь себе самому и должен в себе найти и активизировать собственные силы. Да и сам импульс Михаэля никогда не связан с чем-то ставшим, готовым, законченным. Он – само движение вперед, становление нового. Так охарактеризовал его Эмиль Бок в своей книге о праздниках года, и так

* “Hoffen und Dulden bringt in Schulden”

** “Иных превращают в глупцов (пустые) надежды и легкомыслие”

проявляется пробуждающее настроение этого праздника в относящихся к этому времени изречениях Календаря. Ведь сразу же после появления на нашем пути упомянутого противоположа надежды, уже следующее (29) изречение Календаря с исчерпывающей полнотой и определенностью гласит о том, чем должна в это время года стать для нас подлинная Надежда. И лишь научившись истинно переживать, праздновать этот День Михаэля, можно преодолеть тот противополож Надежды, что "приводит лишь к грехам".

Исполненное бессилия и скорби и "от скорби происходящее" терпение должно, все же, приводить не к отчаянию, но к "опытности" – по слову апостола Павла (Римл.5:3-4). И закаленный этой опытностью человек обретает тогда подлинную надежду, которая, в отличие от своего противоположа, "не остывает" ("*Hoffnung lässt nicht zu Schanden*"). Но это возможно осуществить в себе, лишь "оправдавшись *верой*" и давая излиться в свое сердце Божественной *Любви* (Римл.5:1,5).

(Цитировано по 1-му изданию "Года души", 1998 г. С. 90-92.)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Душевные органы и духовные принципы человека в динамике мировой годичной жизни

От предчувствия и памятования – к Надежде, Любви и Вере • Пороговый момент праздника Пасхи в "истории года" как ежегодное отражение центрального События эволюции Земли 10

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Четверти года как трехступенные этапы реализации человеческих душевных сил в их взаимодействии с Мировым Духом

Человечески-космические ритмы "давания" и "принятия" • Испытания души и обретение ею равновесия • Укрепление личностного и его преодоление в ходе годооборота • "Антиподы" и "аналоги" в "исторической" структуре годичной жизни • Воления, чувствования и помышления души – в чередованиях Бодрственного и Сновидческого полугодий 21

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Богочеловеческое в условиях природно-временной жизни

Вера, Любовь, Надежда – великая Троица душевного мира • Вступление Четвертого принципа • Софийность души и Божественная Мудрость • "Материнское бытие" природы и "женственная" миссия души • Очищающая битва осени • Год души и переживание субстанции времени 32

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Испытания души в ходе годооборота

Импульсы души, духовные Начала и их Противоположы • "Искупающие" недели • Необходимо противоборство: в себе, здесь

<i>и теперь • Пассивность или бунт? • Предостережения Календаря – своевременная помощь • Софийная сила души против искушающей “антисущности” Противобразов • Укрепляющее памятование и светоносное предчувствие • Истины поддерживают друг друга; истины поддерживают человека.</i>	46
---	----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	66
------------------------------	----

Примечание:

Пять медитативных изречений, данных Рудольфом Штейнером 7 марта 1914.	73
---	----

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

<i>АНТРОПОСОФСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ДУШИ</i> (немецкий и русский тексты).	77
---	----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из опыта работы над Календарем души в антропософских группах	119
--	-----